ISSN 0131—5994

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

№ 3/87
Март
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Милена Малова и Венцеслав Симеонов приехали из Болгарии учиться в Ленинград. Теперь они студенты Ленинградского технологического института имени Г. В. Плеханова.
Фото В. КАРЕВА

В НОМЕРЕ:

ПРАГА. На снимке вы видите Час мира в пражской школе. Такие уроки вошли в расписание всех средних учебных заведений Чехословакии. Ребята готовят сообщения о важнейших мирных инициативах Советского Союза и социалистических стран, об акциях антивоенного движения на нашей планете, о работе на дело мира республиканских и местных общественных организаций.

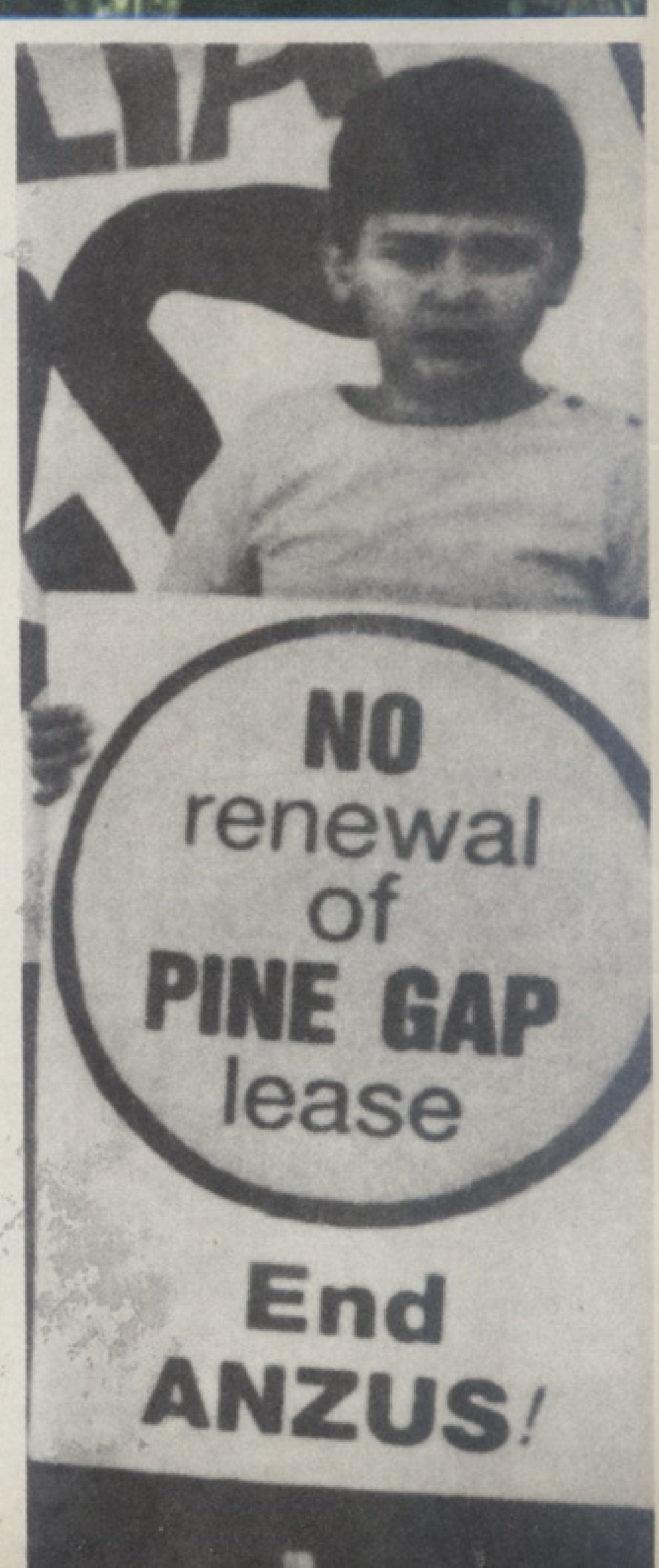
БОНН. По данным опросов, 80 процентов населения ФРГ за разоружение. Но все же для большинства западных немцев это только личное убеждение, а не активная действенная позиция. Поэтому сторонники мира в ФРГ стараются помочь согражданам избавиться от фальшивых клише и ложных страхов, привлечь к действиям против общего врага — милитаризма. Одна из таких форм — дорожные знаки, на которых символически изображено — танкам проезд запрещен. А поскольку на территории ФРГ за год проходит 5 тысяч военных учений и маневров, то и повесить такой знак в своей деревне, на своей улице или в своем городе готовы многие.

БУЭНОС-АЙРЕС. «Возьми мир в свои руки!» и две ладони, укрывшие земной шар от ядерных бед. Такой плакат распространяет антивоенное движение Аргентины. Создать атмосферу мира в своем доме, на работе, в своей стране — эту цель поставили перед собой борцы за мир республики. «Думать о мире, говорить о мире — это уже вызов его врагам»,— утверждают они.

ВОЛГОГРАД. Ндзииба Ганианад приехал из Народной Республики Конго в Советский Союз учиться. Сейчас он студент филологического факультета Волгоградского педагогического института. Ндзииба Ганианад обращается к читателям «Ровесника», ко всей молодежи мира с призывом: «Пусть поет жаворонок над нашей землей, пусть не пугает его рев самолетов и грохот бомб. Пусть каждый растит в себе зерна добра и меряет жизнь свою мерой добра. Из этих зерен прорастет любовь к миру в наших сердцах. Из этих зерен прорастет наше единство — во имя мира!»

ХЕЛЬСИНКИ. Летом этого года в ангольском городе Виана начнется строительство Школы свободы для беженцев из ЮАР. В Международный год мира представители прогрессивных молодежных организаций Финляндии обратились ко всей молодежи республики с призывом — собрать деньги для своих сверстников из ЮАР, которых политика апартеида лишает права на полноценное образование. Так родился проект Школы свободы. Нужно было собрать 100 тысяч финских марок. Студенты и школьники, молодые рабочие организовали десятки самодеятельных концертов, выставок, базаров в фонд будущей школы. Одновременно они больше узнали об истории и современном положении в ЮАР, внесли свой вклад в международную солидарность прогрессивных сил.

КАНБЕРРА. «Присутствие на нашей территории американской военной и шпионской базы Пэйн Гэп превращает нашу страну в соучастницу безумных планов Пентагона о ядерном превосходстве, вовлекает нас в международный терроризм, с помощью которого США проводят свою политику мирового жандарма. Закрыть Пэйн Гэп — требование австралийского народа»,— пишет газета Социалистической партии Австралии «Гардиан». Этот лозунг объединяет австралийцев разного возраста и разного социального положения, разных политических и религиозных взглядов. В Сиднее, Мельбурне, Брисбене, Аделаиде и других городах континента постоянно проходят демонстрации под лозунгом «Закрыть Пэйн Гэп!». Одну из них вы видите на снимке.

ВЬЕНТЬЯН. «Остановить ядерные испытания!», «Нет — гонке вооружений!», «Пусть космос будет мирным!» — под такими лозунгами в столице Лаосской Народно-Демократической Республики прошла многотысячная демонстрация (снимок справа в центре). Ее инициатором стал Лаосский комитет за мир во всем мире. Народ республики хорошо знает, какие страшные раз-

рушения приносит война, долгие годы с оружием в руках он отстаивал свою независимость и твердо поддерживает миролюбивую политику правительства, всех социалистических стран.

СТОКГОЛЬМ. И в другом конце земного шара, в Швеции, также прошел марш мира. Самые различные объединения шведов — профсоюзные, студенческие, молодежные, религиозные, женские и многие другие — совместно выступают за прекращение ядерных испытаний, считая это первым шагом на пути к миру без ядерного оружия. 26 тысяч сторонников мира участвовали в 10-дневном марше на велосипедах (один из моментов этого марша — н а с н и м к е в в е р х у), цель которого собрать средства, чтобы опубликовать в крупнейших газетах Запада призыв шведского антивоенного движения — навсегда покончить с ядерными испытаниями.

ДЖАКАРТА. 20 групп движения «Великая миссия мира», в которые входят активистки антивоенного движения из разных стран, разъехались сейчас по странам — членам Организации Объединенных Наций. Цель этих рейсов — поставить перед правительствами этих государств пять вопросов, касающихся задач обеспечения мира и безопасности. Кетти Алатало, руководительница одной из групп, говорит: «Мы хотим выразить волю всех простых людей планеты, их стремление к мирному будущему. Мы против «обеспечения безопасности» военными средствами. Это путь к войне, а не к сотрудничеству. Самое главное — отстоять мир, право людей на жизнь». Группа из 10 человек, возглавляемая Кетти Алатало, побывала в Таиланде, Лаосе, Вьетнаме, Малайзии и Индонезии.

РОРОТОНГА. На этом острове (острова Кука) государства — члены Южнотихоокеанского форума подписали договор (он вступил в силу в декабре 1986 года), согласно которому его участники отказываются от производства, приобретения и размещения на своей территории любых ядерных взрывных устройств. На территории действия договора запрещается проведение любых ядерных взрывов и захоронение радиоактивных отходов. Советский Союз выступил гарантом безъядерной зоны в южной части Тихого океана и призвал другие ядерные державы с должной ответственностью отнестись к этой миролюбивой инициативе стран — участниц договора Роротонга.

ТОКИО. «Японские музыканты — за запрещение ядерного оружия!» — это движение японских артистов провело в крупнейшем зале Токио концерт, в котором приняли участие 250 коллективов и исполнителей самых разных жанров и направлений музыкального искусства.

МЕХИКО. Представители мексиканских общественных организаций — профсоюзных, студенческих, религиозных, женских, преподавательских — выступили в печати с совместным осуждением агрессивных действий США против Никарагуа. Они назвали политику Белого дома «преступной, лицемерной, угрожающей миру в Латинской Америке». Девять политических партий, представленных в мексиканском парламенте, приняли обращение к правительствам Контадорской группы более энергично отстаивать территориальную целостность Никарагуа и тем самым защитить мир в Центральной Америке.

НЬЮ-ЙОРК. В Куинсе, Бронксе, Бруклине и других районах этого самого большого американского города созданы коалиции сторонников мира, объединившие множество антивоенных групп. Цель коалиций — координировать свои действия, найти более эффективные пути, чтобы положить конец гонке вооружений, остановить военное вмешательство США в дела независимых государств, прекратить поддержку администрацией Белого дома режима апартеида. «Мы хотим,— заявили организаторы коалиции,— перестроить нашу страну, чтобы была работа для каждого, кто в ней нуждается, и чтобы с нашей земли не исходила угроза миру».

СМОТРИТЕ

Южная Корея. Республика, искусственно созданная по плану и в интересах империалистических сил США. Нашпигованная ядерным оружием в 4 раза гуще, чем все страны НАТО, вместе взятые, в пересчете на один квадратный километр площади. Страна, где становятся с каждым годом беднее крестьяне, рабочие, интеллигенция, где богатеет только мизерная кучка самых богатых. Против диктатуры Чон Ду Хвана сегодня в Южной Корее выступают и депутаты парламента и студенты, профсоюзы и священники. Центром антиправительственных выступлений стал Сеул, куда стянуто 100 тысяч солдат специальных сил «по борьбе с беспорядками». В ход пускаются дубинки, гранаты со слезоточивым газом, водометы. Но, несмотря на репрессии, сопротивление антидиктаторских сил нарастает. Фактически вся страна на необъявленном военном положении. Антинародная клика угрожает бросить за решетку каждого, кто выступает против нее. Н а с н и м к а х: столкновения противников диктатуры с силами «по борьбе с беспорядками».

18 민중혁명 희생자추모식

'86

— Зигги, в двадцать лет вас избрали депутатом в Народную палату ГДР — высший орган государственной власти республики. Теперь вы уже депутат с пятилетним стажем. Что вы считаете самым важным в своих депутатских обязанностях?

— В двух словах на такой вопрос не ответишь. Думаю, все же очень важно научить людей пользоваться правами, которые дает наша социалистическая демократия. Большинство людей, как это ни странно, не знает своих прав и часто ломится в открытую дверь. И еще очень важно, чтобы люди не видели в тебе «начальство», которое все может, если захочет. Депутат — слуга народа — это не броская фраза, это суть нашей работы, нашей жизни, если хотите. Больше, чем гарантирует закон, я сделать не могу. Но научить людей пользоваться законом и заставить руководителей исполнить закон — это я могу и должна.

Для меня лично было важно научиться слушать людей и не судить о них с первого взгляда. Человек, пришедший к депутату, может быть ему не симпатичным, бестолковым, назойливым... Если его требование законно, мой долг, отбросив все эмоции, добиться выполнения законного права гражданина. В повседневной жизни возникает множество проблем, не всегда мне понятных и близких, но все равно надо искать и находить правильный путь их решения.

Депутат в нашем обществе получает реальную силу, множество самых разных возможностей помочь людям, сделать их жизнь радостнее, удобнее, совершеннее. Суметь ими воспользоваться — это действительно сложно. Общественный механизм велик, надо в нем очень хорошо разбираться. Нельзя, например, пообещать человеку помощь, если ты не знаешь, как этого добиться. Или обещать невыполнимое... Ведь депутаты — это опора правительства, министерств и всех учреждений государства в самой гуще народа и в то же время это орган контроля за деятельностью государственных институтов со стороны всех нас. Людей. Народа.

В строительный институт города Котбуса Зиглинда Виттшток поступила, проработав два года на стройке. Учеба в первом семестре ей давалась трудно. Друзей у нее в группе пока еще не было, но, как ей казалось, не было и недоброжелателей. А тут вдруг приходит предложение молодых строителей, с которыми Зигги работала на стройке, выдвинуть ее в Народную палату по списку кандидатов Национального фронта ГДР от Союза свободной немецкой молодежи. Требовалась поддержка студентов и, разумеется, согласие самой Зигги.

Что касается Зигги, то она прежде всего попросила время на размышление. Она хотела знать: какие конкретно обязанности у депутата? Справится ли она с ними? Только удостоверившись, что сначала ее, как и каждого новичка, будут учить и она узнает все детали, связанные с депутатскими обязанностями, она дала свое согласие.

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

Рейнгард ГУНДЕЛАХ, журналист из ГДР

А сокурсники? Именно тут-то и произошло неожиданное. И в первую очередь для Зигги. Оказалось, что первокурсница Зигги Виттшток отнюдь не пользуется популярностью в своей группе. Даже совсем наоборот. Весть о предложении строителей студенты приняли в штыки. И у них имелись на то определенные основания.

— У нас в бригаде было так,— рассказывает Зигги,— опоздать, не прийти на работу — значит подвести товарищей. Это дело немыслимое. А тут один пришел ко второй лекции, другой ушел с семинара. На некоторые лекции вообще полкурса приходит. Получается: хочу — учусь, хочу — гуляю. Я выступила на собрании группы, курса, и очень резко. А некоторых ребят назвала прогульщиками несправедливо. И своей резкостью настроила всех против себя. Даже тех, кто в принципе был согласен со мной. Студенты решили, что я выскочка, ну и тому подобное. Да и училась я не так уж и хорошо.

Итак, студенты строительного института, вместе с которыми Зигги еще предстояло жить и учиться, проголосовали против ее кандидатуры.

Зигги была очень обижена. Ей казалось, что с ней обошлись несправедливо. К счастью, среди институтских членов ССНМ нашлись люди, которые решили разобраться в этом деле: ведь на курсе назревала конфликтная ситуация, ее надо было разрешить как можно скорее и только таким образом, чтобы впоследствии никому не было стыдно.

Появилась идея — пригласить в институт берлинских строителей, прежних товарищей Зиглинды по работе. Они хорошо ее знают — она проработала с ними бок о бок два года,— пусть объяснят, почему они выдвинули именно ее кандидатуру.

Молодежная бригада берлинских строителей с мастером Вернером Редером во главе явилась в Котбус. Прежде всего бригадир решил поговорить с Зиглиндой. Зигги в полной уверенности в своей правоте рассказала ему все свои беды.

— Примерно так я и думал,— признался Вернер.— Понимаешь, Зигги, ты должна знать — в отношениях с людьми нельзя рубить сплеча. Тут не топором машут, а работают головой. Ты обидела своих сокурсников. А обида — плохой помощник...

Потом бригадир выступил перед студентами. Вернер Редер рассказал о том, как Зиглинда работала на стройке. Как она пришла к нему в бригаду после строительного училища, которое закончила досрочно с оценкой «очень хорошо», как ее за принципиальность выбрали секретарем бригадной ячейки, какие битвы по мелким и крупным поводам ей пришлось выдержать с членами бригады. Рассказал о том, как она успевала и трудиться наравне со всеми, и вести общественную работу, и подготовиться самостоятельно к поступлению в институт. В тот самый строительный институт, где они сейчас вместе учатся. Когда из Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи в бригаду пришло предложение выдвинуть из своих рядов достойного кандидата в депутаты Народной палаты ГДР, все проголосовали за Зиглинду: она не раз представляла бригаду в разных делах и в разных инстанциях, и ей как своему представителю рабочие смело поставили оценку «очень хорошо». Бригадир припомнил даже забавный конфликт, случившийся у строителей с жителями старого поселка Марцан, где возводился новый берлинский жилой район: люди заявили, что у них пропадают куры и что искать бедных птиц нужно не иначе, как в животах у парней и девчонок в строительных касках, которые, как известно, работают на свежем воздухе и отличаются непомерным аппетитом...

— А Зигги,— продолжал Вернер,— сумела найти к ним подход! И вообще, она правильно понимает работу с людьми. Я согласен, здесь, в институте, она, может быть, перегнула палку, но нельзя упускать из виду, что по существу она была права. В поправке нуждается не сама суть ее требований, а только форма общения с незнакомыми людьми в новом коллективе. Хочу сказать еще вот что. Если вам она не по нраву, только скажите — и я сейчас же забираю ее к себе в бригаду.

Вернер Редер сел, и в зале воцарилось молчание. Поразмыслив, студенты решили кандидатуру Зиглинды Виттшток поддержать. Но главное — и Зигги сумела сделать правильный вывод.

— Я тогда поняла: мне нужно научиться внимательно слушать других. Стараться представить себя на месте собеседника. Если я не согласна с ним, его мнение мне кажется неверным — надо подумать: а почему он так считает? В чем корень его ошибки? Если причину поймешь сама, то и разумного собеседника убедишь. Может быть, не сразу. Постепенно, шаг за шагом продвигаясь к верным выводам.

Каждая работа в конце концов оценивается только по результату. Стройность теоретических умозаключений, неоспоримость прописных истин — все это по прошествии времени не имеет смысла, если под чертой получается круглый, глупый ноль. У Зиглинды под чертой получился результат. Со знаком «плюс». Она закончила институт с оценкой «очень хорошо», стала инженером-строителем, родила сына — ему уже третий год, и продолжает участвовать в руководстве государством. А ведь ничего этого могло и не быть, если бы не помощь тех самых студентов, которые когда-то чуть не провалили ее на выборах. Нет, Зигги не была заносчивой выскочкой.

— После того рокового выяснения отношений у нас в группе установилась удивительная атмосфера,— с благодарностью вспоминает Зиглинда.— Я тогда очень старалась учиться как можно лучше, но мне приходилось много пропускать, по депутатским делам нужно было отлучаться и утром и вечером... Девочки и ребята переписывали для меня лекции. Когда я возвращалась в общежитие поздно, на столе меня ждал ужин. Девчонки не ложились спать, дожидаясь меня, и я с набитым ртом сообщала последние новости «из жизни государственной власти». Один раз я должна была поехать с делегацией от Народной палаты в Советский Союз и накануне ужасно простудилась. Что творилось вокруг меня!.. Кто тащит мед, кто малиновое варенье, кто горчицу для ног — надо мной хлопотали весь вечер. И наутро я была здорова...

За пять лет своей депутатской деятельности Зиглинда Виттшток исполнила 80 депутатских поручений. В Котбусе она занималась жилищными вопросами и в первую очередь жильем для студентов, помогала улучшить медицинское обслуживание в городе, привела свою семинарскую группу в Народную палату — студенты не только обсудили там молодежные проблемы, но и лучше узнали, как функционирует этот выборный орган. В институте к Зиглинде обращались все и в любое время. Дело доходило до курьезов: однажды к ней явился незнакомый молодой человек с вопросом — пора ли ему жениться, или лучше подождать?

Сегодня Зиглинда — уполномоченная при берлинском магистрате, и ее нынешнее поле деятельности уже не Котбус, а берлинский район Хоэншёнхаузен. На своем новом месте она сначала попыталась поступить, как многие другие депутаты: выделить приемные часы и встречаться с избирателями в кабинете. Один кабинет — в институте, другой в жилом массиве. Но оказалось мало. И люди приходят к ней домой. Непрерывно звонит телефон. Вопросы самые разные: жилье и бытовые услуги, непорядок в магазине, несвежий хлеб, права и обязанности владельцев собак — пестрая картина повседневных городских забот.

Однако депутатские наказы не единственная и даже не самая главная задача молодежного уполномоченного.

Зиглинда Виттшток — член правительственной комиссии по народному образованию. Поэтому основная сфера ее интересов — это вся система образования и воспитания, от садиков и яслей для детей и до курсов повышения квалификации для взрослых. Чтобы правительство постоянно было информировано о проблемах, которые уже назрели или еще только могут возникнуть на «ниве просвещения», члены комиссии ведут контрольные обследования по определенным вопросам.

— Иногда те задания, которые я получаю как член комиссии, совпадают с теми, что мне поручают в Центральном совете ССНМ. Однажды надо было узнать, как проводится собеседование с абитуриентами. Разговариваю с проректором института. Он охотно рассказывает, и я узнаю, что девочек на собеседовании теперь спрашивают, на каком курсе они собираются обзаводиться ребенком. Причем вопрос может быть задан и так: «Когда ты собираешься забеременеть?» Я возмутилась и рассказала об этом на комиссии. Министр подумал, что ослышался: «Как? — говорит.— Не может быть!»

Результаты каждого такого обследования внимательно обсуждаются членами комиссии. На их основании выдвигаются предложения, а при необходимости разрабатываются и проекты новых законов. Предложения и проекты всех комиссий идут в Народную палату для принятия окончательных решений.

И в завершение маленького рассказа о Зиглинде Виттшток, которая пять лет из своей 25-летней жизни участвует в руководстве государством, приведу несколько цифр. Из почти 200 тысяч выборных депутатов в местных органах власти и в Народной палате ГДР 33 тысячи — в возрасте от 18 до 25 лет. Около 22 тысяч из них работают по мандату ССНМ. Свыше 600 бургомистров в городах и селах республики моложе 30 лет.

Перевела с немецкого
Г. СУПИХАНОВА

ИЛИ ВПЕРЕД, ИЛИ?..

Георгий ДЕРЛУГЬЯН,
наш спец. корр.
Фото автора

Есть в Новосибирске лагерь интернациональных студенческих строительных отрядов. Еще несколько лет назад я слышал о нем в Москве от знакомого чилийца: «Слушай, такой шум и веселье, как в этом Новосибирске, я последний раз видел в детстве у нас в Чили при Народном Единстве!»

Идея создать интернациональный студенческий отряд возникла у студентов Новосибирского электротехнического института (НЭТИ). Кто высказал эту идею первым, сейчас установить уже невозможно, но известно, что произошло это в стенах институтского интерклуба. Подобные интерклубы существуют у нас в каждом вузе. Они занимаются обычно тем, что устраивают вечера, организуют переписку с зарубежными друзьями, собирают коллекции иностранных значков и марок: дела приятные и милые, как какое-нибудь рукоделье у камина... Но разве только для этих маленьких удовольствий существуют интерклубы? Разве не должен стремиться каждый интерклуб в каждом вузе стать окном в мир — в огромный, разноязыкий, разноцветный, разноликий мир, где каждую секунду идет борьба, кипят споры, и мнений не счесть? Разве не должен интерклуб организовывать большие дела — сближать континенты, знакомить между собой страны? Разве не должен интерклуб воспитывать интернациональную солидарность у широких студенческих масс на конкретных делах, в которых участвуют эти массы? Такие или примерно такие вопросы задали себе в 1975 году ребята из интерклуба НЭТИ — и, энергично обсудив их с членами интерклубов в других городских вузах, начали действовать. Они решили пригласить на лето в Новосибирск иностранных студентов и создать интернациональный студенческий лагерь.

В какой форме интереснее всего и успешнее всего осуществляется то, что мы привыкли называть словами «интернациональное воспитание»? Я не раз задавал этот вопрос в Новосибирске. Ответы были в чем-то разные, а в чем-то схожие. Я не указываю, кому принадлежит какое высказывание. В конечном счете идея, высказанная вслух, принадлежит всем.

Совместный отдых молодых людей из разных стран — это очень хорошо. Концерты, вечера с дискотекой, туризм или переписка по журнальным объявлениям, традиции которой восходят еще к бойскаутам? И это неплохо, наверное. Но люди сближаются и узнают друг друга прежде всего в совместном труде, причем труд этот должен быть добровольным, осмысленным и производительным. Давно известная организационная форма студенческого строительного отряда как нельзя лучше подходила для того дела, которое замыслили ребята из интерклуба НЭТИ двенадцать лет назад...

В Новосибирск я прилетел пасмурным вечером в один из последних дней августа. Новый дом на улице Дуси Ковальчук, в котором разместились бойцы интернационального студенческого отряда, пока не имел номера.

Проплутав, мы наконец разыскали его. На расчищенном пятачке перед панельной девятиэтажкой под флагштоками с выгоревшими за лето флагами стояли загорелые ребята в стройотрядовской форме. На ступеньках соседнего дома, в который уже въезжали первые жильцы, остановилась женщина, державшая в руках старомодную клетку с канарейкой, и внимательно смотрела на невысоких темнокожих парней, в развороте плеч которых явно чувствовалась военная выправка — бойцы из Никарагуа и Ливана.

— Неужели это тут иностранцы живут? — спросил шофер.

Ничего, кроме многочисленных плакатов и лозунгов, украшавших фасад, не свидетельствовало о том, что в недостроенной (или, по официальной терминологии, «сданной в эксплуатацию со списком недоделок») девятиэтажке живут иностранцы. Простота и демократичность быта напоминали о том, что приставка «интер» может употребляться и в словах — интербригада, интеротряд...

В темной комнатке, превращенной в интеркафе с помощью изрядной доли выдумки и подручных средств, кто-то наигрывал на расстроенном пианино собственные аранжировки «Битлз» и «Цыганочки», а то и покушался на фуги Баха. Ира и Лада, хозяйки этого шумного заведения, не закрывающегося до рассвета, со стойкостью и радушием, немыслимыми для всамделишного гостиничного интерсервиса, продолжали наделять кофе без сахара всех жаждущих. Запасы бутербродов и сока давно кончились. У стойки, украшенной плакатами и рекламой какао-порошка, несколько человек вытягивали рассказы из молчаливого парня, этим летом работавшего в составе новосибирского ССО в районе Чернобыля. За колченогим столиком, который с грохотом опрокидывался, если его не удерживали все вместе локтями, шли бесконечные споры о хэви-метал-роке, об ирано-иракской войне и фильмах Алексея Германа... Но каждый разговор, пройдя круги, возвращался к тому, что больше всего волновало и тревожило собравшихся здесь людей,— к проблемам лагеря интернациональных студенческих отрядов, к проблемам стройки...

— Я сам и многие мои товарищи уже работали в Сибири, строили БАМ, КАТЭК,— сказал мне в тот вечер ливанец Салем, аспирант Московского энергетического института.— Там очень много работали, много и получали, но каждый был сам по себе, для себя работал. Тут мы почувствовали, что работаем с товарищами, увидели настоящую солидарность. Работаем практически бесплатно — мы в фонд нашей компартии, советские товарищи все деньги перечисляют детдому. Здесь мы по-новому узнали даже тех, с кем давно были знакомы в Москве. Тут много настоящих людей, и тут, в интерлагере, чувствуешь, что такое настоящее товарищество...

— Да, мы рады, что приехали в Новосибирск.— Это говорит Альберто, студент из Никарагуа. Он мечтает стать кинорежиссером, но сейчас его родине нужны инженеры для хлопкоочистительных заводов, и поэтому он приехал учиться в Ташкент.— Если все время жить в Ташкенте, то весь Советский Союз не узнаешь. При Сомосе, сам понимаешь, компаньеро, что у нас знали о Советском Союзе? Для нас очень важно общение с вашим рабочим классом, со студентами. Мы рады поработать с вами рука об руку. Но что это за работа, когда каждый час перекур? (Альберто последнее слово произнес по-русски.) Разве так надо строить социализм?

Перекуры, о которых говорил Альберто,— только часть проблемы. Они, эти перекуры, возникают не потому, что студенты ленятся работать. В отсутствии энтузиазма тут никого обвинить нельзя. С энтузиазма это дело началось и на нем стоит. Это так же верно, как то, что порыв самых лучших студенческих чувств уходит часто на преодоление строительной халтуры. Владимир Голубчиков, один из отцов-основателей интерстроя, вспоминает, как накануне первого открытия лагеря штаб в полном составе со строевой песней пробивал катастрофически засорившуюся канализацию и выбил-таки из нее целую фуфайку, забытую строителями...

До 1982 года интеротряд работал на строительстве Сибирского отделения ВАСХНИЛ. Строительство вел Сибакадемстрой — специализированная организация, обладающая обширными ресурсами и известная высоким уровнем производственной дисциплины. Ежегодно интеротряду выделялось под жилье два подъезда сдаваемых в эксплуатацию домов в компактном жилом комплексе неподалеку от стройки. Это снимало проблему транспорта — до места работы и столовой ходили пешком.

Но строительство городка ВАСХНИЛ закончилось и пришлось искать новую организацию, способную дать работу, и главное — выделить временное жилье для интерлагеря. Новосибирский государственный университет (НГУ) и НЭТИ предлагали разместить студентов в своих общежитиях, дать им работу в студгородках и льготное питание. «Но это означало бы, что мы дробим интерлагерь на несколько мелких отрядов, в которых можно устроить мероприятия дискотечного размаха и нельзя провести действительно масштабную акцию,— комментирует это предложение Сергей Шарков, пятикурсник НЭТИ.— Студенты университета пошли по этому пути. Они остались работать у себя дома, в Академгородке, в Сибакадемстрое. Университет предоставляет им бесплатное питание, академстрой — жилье. Они, практически, вышли из интерлагеря. Наш отряд и их существуют теперь порознь, каждый как бы за стеклами своего аквариума...»

С 1982 года студентов интеротряда обеспечивает работой Главновосибирскстрой, ведущий гражданское строительство в городе. По заявлениям руководства главка, он готов был принять 500 и более студентов, и численность интеротряда стала расти. Это был типичный путь разбухания вширь. Хозяйственные проблемы нарастали лавинообразно, поглощая все силы членов штаба отряда: материалы, техника, транспорт, питание, даже вывоз мусора из домов, не принятых пока горисполкомом. И даже охрана домов — дефицитные смесители для ванн исчезали как суда в Бермудском треугольнике, всплывая по сходной цене у ближайшей пивнушки...

Возникли серьезнейшие финансовые трудности. Интерлагерь становился все более убыточным предприятием. Любой человек, знакомый с летними ССО, знает, как трудно заработать в городской зоне больше полутораста рублей. Интеротрядовцы готовы были работать, но вот с работой как раз возникали и возникают постоянные проблемы — или ее не хватает, или это тяжелый, низкооплачиваемый и немеханизированный труд. Бойцы часто работают слишком ударно, быстро исчерпывая весь наличный лимит цемента и краски. (Я видел лестничные марши, выкрашенные в самые нестандартные тона, после того как были израсходованы более спокойные цвета.) Хуже всего было, когда ребятам доставался типично мартышкин труд — рыть траншеи неясного назначения, которые на следующий день засыпал бульдозер, или укладывать асфальт и бетон, вскрывавшиеся затем пневмоотбойниками.

Интеротрядовцы пытались изменить отношение строителей к себе, доказать, что они не из тех, кто рад всякому простою. Доказывали трудом или плакатами вот с таким текстом: «Товарищи! Вам мешает жить тов. ... Его телефон...» Они постоянно чувствовали себя пасынками на стройке, пасынками, которые должны были выпрашивать по начальственным кабинетам то, что им обещали в договорах, заключенных между строительными организациями и отрядом.

— Все упирается в низкий уровень организации труда в местной строительной промышленности,— объяснил мне нехитрую политэкономию ветеран интердвижения Игорь Даровин.— Нас берут на стройку именно потому, что там низкий уровень механизации, много ручного неквалифицированного труда. Из этого же вытекает и неритмичность труда строителей — и сезонная, и в течение дня. Отсюда и пресловутые «перекуры»...

Успешное продвижение вперед возможно в любом деле только тогда, когда у его участников есть мужество взглянуть правде в глаза и увидеть недочеты и ошибки. Точное критическое осознание реальности, какой бы печальной она ни была,— начало перемен...

23 августа 1986 года в газете «Молодость Сибири» (орган Новосибирского обкома ВЛКСМ) появилась статья, выразительно озаглавленная «Стыдно...». В статье было без прикрас описано положение на стройке: дурная организация дела, бесхозяйственность и в результате то, что сами бойцы называют «глупой работой». «Нам показалось, что вашей стройке не хватает ответственных людей» — так определили положение студенты из ГДР, а командир чехословацкого отряда Владислав Слама сказал: «При лучшей организации труда мы могли бы лучше работать и больше заработать. Но мы ведь приехали не только деньги зарабатывать. Но и учиться у вас». А Иржи Голуша, боец отряда, добавил: «Обидно что-либо делать, зная, что это можно сделать лучше. Но самое тяжелое — вообще не знать, что нужно делать...»

«Один пример.— Эти слова командира отряда из ГДР Германа Свена тоже были приведены на страницах молодежной сибирской газеты.— Когда интерлагерь проводил день ударного труда, мы специально засекли время. Оказалось, что с восьми часов мы смогли эффективно работать ровно 3 часа 53 минуты... Мы заключили договор с комсомолом, но этот договор оказался не подкреплен ответственностью ваших строительных организаций. В ГДР есть специальные законодательные акты, гарантирующие такую ответственность».

Диагноз, поставленный газетой Новосибирского обкома ВЛКСМ, был точен: идея интерлагеря как формы сознательного и образцового труда разошлась с реальностью стройки, где сознательность была чуть ли не помехой, а образцовый труд задыхался в бесчисленных простоях и сбоях. И, обрисовав положение, газета звала к перестройке, «только не словесной — деловой».

Интеротряд — это не дети в коротких штанишках, а взрослые люди, некоторые из них уже прошли через войну, глядели в лицо смерти и если взялись за дело, то хотят

выполнить его осмысленно и на совесть. Интеротряд — это еще и сложный хозяйственный механизм, который не может функционировать как бесправный придаток к строительным управлениям. Это работа и отдых, поставленные с размахом. Двухдневное плавание по Оби — не только незабываемое путешествие для тех, кто никогда не видел природы Сибири, это бесчисленные хозяйственные заботы для организаторов. Интеротряд — это организация, функционирующая на полных правах и обязанностях ССО. Но интеротряд сегодня — это еще и идея о высокоэффективном, производительном, осмысленном, сближающем людей труде, завязшая в Новосибирске в неполадках и несообразностях строительного механизма.

Че Гевара, будучи министром экономики революционной Кубы, в ответ на вопрос журналиста как-то сказал, что лучшее лекарство от бюрократизма — это энтузиазм. В таком случае бюрократизм составляет одну из наименее вероятных угроз новосибирскому интерлагерю. Возникнув по инициативе «снизу», питаясь энергией, которую аккумулируют в себе студенческие интерклубы, интерлагерь, упершись в проблемы, не ждет, пока ему «помогут», а хочет сам преодолевать трудности, справедливо полагая, что только в таком подходе — основа успеха.

В комнатах девятиэтажки, где разместился отряд, в интеркафе в поздние ночные часы кипят споры о том, что делать, чтобы исправить недостатки, вывести дело на новый уровень и распахнуть новые широкие горизонты.

— Черт возьми, неужели не ясно! — горячится в одном из споров Сергей Шарков.— Мы должны снова — на этот раз окончательно — объединиться с отрядом университета. У них же уникальный опыт интерработы! Так этот опыт в Академгородке и останется? Так и будут вариться в собственном соку? Кружковщина какая-то, привычка работать в пределах личных связей. Нет, если мы хотим поднять дело, то должны прежде всего объединить все новосибирские студенческие силы вокруг единого интерлагеря!

От слов тут быстро переходят к делу: признак того, что люди воодушевлены идеей, что по-прежнему жив в интеротряде тот первородный смелый дух инициативы, без которого отряда и не было бы и который лежит в основе свободного социального творчества, составляющего смысл социализма. В один из холодных октябрьских вечеров вместе с ребятами из интерклуба НЭТИ Сергеем Шарковым и Пашей Нефедовым я еду в Академгородок вести переговоры об объединении отрядов с интерактивом НГУ. «Дипломаты» из НЭТИ одеты так, как и полагается дипломатам,— на Паше Нефедове представительная шляпа с мягкими полями и лайковые перчатки. Мы приезжаем. Мы попадаем в уже знакомую мне веселую и легкую атмосферу интерклуба, где идут бесконечные споры, где смех и серьезные рассуждения сменяют друг друга, где в самом воздухе растворена счастливая, прекрасная идея совместного действия и человеческой общности. В университете идет вечер «Неклассической музыки и нетривиальной литературы», устроителем которого является весьма неформальная организация математиков «Контора братьев Дивановых». Наши партнеры по переговорам — Андрей Гладченков и Алексей Ситников — виртуозно исполняют на гитарах «Испанские вариации» на темы советских шлягеров...

Итак, в Новосибирске предлагают преодолеть кружковщину и строить интерлагерь на качественно новой основе. Итак, в Новосибирске уже составлена памятная записка (авторы — Игорь Даровин и Паша Нефедов), которую можно было бы озаглавить «Что делать».

Новосибирский интерлагерь существует уже двенадцать лет как совместная инициатива студентов города, говорится в этой записке. Свою главную задачу мы видим в коммунистическом, революционном воспитании через совместный труд и общение советской и зарубежной молодежи. Новосибирск должен превратиться в один из центров международной солидарности.

В последние годы интерлагерь сталкивается с серьезными хозяйственными трудностями, закономерно вытекающими из низкого уровня организации труда в Главновосибирскстрое. Эти трудности превратились в политическую проблему, ставящую под угрозу само существование интерлагеря. Для того чтобы преодолеть трудности, необходимо поднять новосибирское интердвижение на качественно новый уровень политической, организационной и хозяйственной деятельности.

Первое. Необходимо создать постоянную базу интерлагеря. Для этого может быть использован один из заброшенных пионерских лагерей в окрестностях города, который мог бы быть отремонтирован силами студентов. (Члены интерклуба НЭТИ Сергей Шарков и Коля Постоенко, промокнув насквозь, уже отыскали два таких «лагеря с привидениями» и уже получили одобрение Облсовпрофа.) Считаем необходимым просить советские и хозяйственные органы о выделении материалов для оборудования и ремонта лагеря.

Второе. Предоставить штабу интеротряда право самостоятельно маневрировать рабочей силой, выбирая производство с более высоким уровнем дисциплины.

Третье. Полностью узаконить интерлагерь, существующий до сих пор по непонятным причинам фактически полулегально. Это снимет многие проблемы и позволит приступить к осуществлению нескольких детально разработанных программ. Например, предусмотрена рекламная кампания — выпуск значков, пакетов, маек, плакатов с эмблемой интерлагеря.

Четвертое. Чтобы уберечь дело от бюрократизации, создать в интерлагере комплекс институтов прямой народной демократии, призванной поставить командира, комиссара, бригадиров и штаб под контроль рядовых бойцов.

Пятое. Предоставить интерклубам и связанному с ними интерлагерю возможность расширить свои политические контакты. Так, среди активистов интердвижения существует идея пригласить в Новосибирск для совместного труда, отдыха и обмена мнениями представителей движения «зеленых» из ФРГ.

Шестое. Интеротряд хочет взяться за новое дело. В Новосибирске, как почти во всех наших городах, преобладающий цвет — серый. Бетон, штукатурка. Почему не возродить идею монументальной пропаганды — провести конкурс эскизов и в несколько воскресений раскрасить всем вместе унылые торцовые стенки пятиэтажек? Подобных проектов в интеротряде есть сейчас больше десятка...

Встречи с первым секретарем Новосибирского обкома ВЛКСМ Владимиром Никоновым я искал три дня, чувствуя ужасную неловкость от того, что пытаюсь добраться до человека, находящегося в законном отпуске. Товарищ первый секретарь отдыхал в одном из загородных пансионатов, но даже там его застать не удавалось. Я уже мысленно распрощался с надеждой на встречу — до отлета в Москву оставалась одна ночь.

Паша Нефедов положил телефонную трубку, откинулся на спинку стула и сказал:

— Все. Накрыли. Никонов у себя в кабинете. То, что он в городе, пока не знает даже жена. Ну, помчались...

Никонов встал нам навстречу, улыбаясь. В круге настольной лампы лежали бумаги. «Использую отпуск, чтобы спокойно поработать втайне от всех»,— сказал он. Откинувшись на спинку кресла, он молча слушал то, что говорил Паша Нефедов,— это была пылкая речь, в которой концентрировался весь жар споров, бурливших по ночам в девятиэтажке на улице Дуси Ковальчук. Паша по пунктам перечислял предложения — Никонов слушал, кивая и глядя внимательно на человека, сидящего напротив него, как будто стараясь увидеть и понять, что стоит за всеми этими горячими, воодушевленными словами...

Из обкома мы вышли глубокой ночью. В интерклуб НЭТИ вернулись с последним поездом метро.

— Дело перспективное, предложения продуманные, представлять проект будем вместе,— торжественно процитировал ответ первого секретаря Паша Нефедов.

— Ладно, значит, еще раз четко распределяем обязанности и начинаем работать,— ответил деловитый Шарков, доставая чистый лист бумаги.— Теперь или вперед, или...

Новосибирск — Москва

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ПОКОЛЕНИЯ

Димфна КЬЮСАК,
австралийская писательница

Я смотрела на все более четко проступающие очертания города, и в моей памяти, как на цветной пленке, прокручивались воспоминания об огромных просторах Советского Союза. К тому времени я уже объехала всю страну от края и до края, с севера на юг и с запада на восток. Я видела ее летом, зимой, осенью и весной. День 15 мая 1961 года стал началом моего пятого приезда в Россию.

И вот я снова в Москве.

Трудно поверить, что это тот самый город, который я покинула совсем недавно. Тогда широкий проспект с движением в шесть рядов, дома, деревья существовали только в планах архитекторов. Теперь по обеим сторонам дороги тянулись громады жилых кварталов, уже полностью заселенных, с ярко освещенными витринами магазинов. Ни одной европейской столице не под силу темпы, какими растет Москва, хотя ее жителями это воспринимается как должное.

Для меня прежде всего интересны люди. С каждым приездом я все больше сживаюсь с москвичами, среди них я нашла дорогих мне друзей. Нигде в мире не встречала я стольких людей, говорящих на иностранных языках. Туристы иногда жалуются, как сложно в Советском Союзе устанавливать личные контакты. Не могу не удивляться таким жалобам. Не проходило и дня без того, чтобы у меня не завязался с кем-нибудь разговор на одном из тех языков, которые я знаю, или на русском, когда я его немного освоила.

Когда я впервые приехала в Москву, моя переводчица Римма сказала: «Библиотека иностранной литературы очень хотела, чтобы вы прочитали лекцию, поэтому я запланировала на следующую неделю ваше выступление по проблемам австралийской литературы. Вы ведь не будете возражать?»

Ну что я могла сказать, видя ее самые добрые намерения? В душе же я проклинала эту затею. Нет ничего более утомительного, чем через переводчика рассказывать о литературе, которую (как я считала) публика почти не знает. К тому же я почему-то решила, что выбор книг в библиотеке совсем небольшой. Библиотекарь улыбнулась, когда я осторожно коснулась этой темы: «У нас насчитывается два с половиной миллиона книг и журналов на ста пяти иностранных языках. Выделены разделы по лингвистике, зарубежному искусству, литературоведению, истории культуры и беллетристика. Мы гордимся нашей коллекцией книг Шекспира, насчитывающей шесть тысяч томов. Мы обмениваемся книгами с семьюдесятью тремя странами. В 1921 году мы начинали со ста книг, и все нам приходилось создавать самим. В задачу нашей библиотеки всегда входило и входит укрепление международных культурных связей».

Экземпляры моих книг уже были разложены на столе для автографа, и не только книг, выпущенных в Англии и Австралии, в Соединенных Штатах, но и переводов. Что может больше умиротворить писателя, чем вид его собст-

венных книг. Мое настроение заметно улучшилось.

Мне сказали, что от меня ждут выступления часа на два. Эти русские просто чудо! Я твердо ответила, что вовсе не собираюсь злоупотреблять ничьим терпением — буду говорить ровно час, а потом мне можно задавать вопросы.

В зале собралось человек сто.

Не буду ли я возражать, спросили меня, если мое выступление запишут на пленку для учебных целей. Тут я запаниковала. Лекции в отличие от статей имеют то огромное преимущество, что слова вылетают и исчезают, тогда как записанное слово остается тебе вечным укором. Мысль о том, что где-то за спиной находится аппарат, который будет неумолимо записывать все, что может сорваться у меня с языка, вызвала у меня состояние, близкое к обмороку. Но я сказала себе: «На карту поставлена репутация всех австралийских писателей». И начала. Медленно, отделяя слова, не сомневаясь, что слушатели плохо знают язык. Какая ошибка! Они воспринимали лекцию с таким очевидным пониманием — некоторые умудрялись даже делать записи,— что я быстро успокоилась.

Посыпались вопросы. И какое знание австралийской литературы, писателей, которых и у нас-то не все знают. Каким образом Австралии удалось, будучи доминионом, создать собственную национальную литературу? Почему австралийские писатели так не похожи на английских? Что я думаю о Катарине Сусанне Причард? Считаю ли я, что Джон Моррисон мастер короткого рассказа? Почему нью-йоркское издание «Скажи смерти «нет» выпущено под названием «Солнце в моих руках»?..

Наконец, библиотекарь шепнула мне, что надо бы закончить к десяти часам вечера. Я стала выбираться из зала, но слушатели сгрудились вокруг меня, протягивая книги для автографов. Вскоре я уже подписала бесконечное число книг...

Наконец мы гурьбой вышли из здания. В служебном помещении, куда я вернулась за пальто, мне преподнесли огромный букет фиалок и конверт, в котором я, к величайшему своему удивлению, обнаружила деньги — мой гонорар за чрезвычайно интересный и полезный вечер.

Я люблю балет. И если достаточно долго живешь в Советском Союзе, то узнаешь, что, помимо балетной труппы Большого театра, существуют другие коллективы и каждый из них имеет своих почитателей. Балетные труппы Новосибирска, Киева, Ташкента, Тбилиси могут затмить многие зарубежные.

Мне запомнилось, и не только прекрасным исполнением, первое посещение театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Возле старинного здания на Пушкинской улице нас по обыкновению обступила толпа оптимистов. Все они надеялись на лишний билет, который по непредвиденным обстоятельствам кто-нибудь вдруг захочет продать.

Мы сидели во втором ряду, с одной стороны расположилась делегация парламентариев из Ганы в ярких национальных одеждах, с другой сидел пожилой человек в форме машиниста Московского метрополитена. Я оказалась вовлеченной в красноречивую пантомиму, из которой, несмотря на мой более чем скромный русский, прекрасно поняла, что он так счастлив, что попал в театр. Когда он закончил смену, к нему обратился товарищ из профкома со словами: «Ты ведь любитель балета. Если хочешь пойти, у нас есть случайный билет». И вот он здесь.

Видела ли я новую постановку «Лебединого озера»? Значит, я не видела Бовт в партии Одетты — Одилии? Его жесты и зажмуренные глаза яснее слов сказали мне, какой восторг меня ожидает.

С каким наслаждением всякий раз смотрела я на публику. Как она неистовствовала после наиболее понравившихся и мне спектаклей! Какой дождь цветов и маленьких дешевых букетиков обрушивался на сцену с ярусов и из партера. Молодые голоса кричали «браво!» звездам ненамного старше их самих. А какое чарующее впечатление оставил вечер, когда Катя Максимова (22 года) и Володя Васильев (24 года) спустя неделю после своей свадьбы танцевали романтические дуэты в «Каменном цветке» и вся публика громадного Большого театра желала им такого же счастья в жизни, какое они только что завоевали на сцене.

Искусство балета в Москве покоряется не только высочайшим профессионалам, но и энтузиастам-любителям. Я видела по-настоящему хорошее выступление балетного коллектива молодых рабочих (в московских Домах культуры занятия ведут танцоры Большого театра и театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко).

Посетив Хореографическое училище Большого театра, я узнала, как готовят несравненных советских артистов балета. Меня пригласила туда Марина Семенова, одна из величайших балерин недавнего прошлого, которая теперь преподает в Большом. Первой, кого я встретила, была рыдающая девочка. Она только что провалила экзамен по музыке! Успокоив ее как могла,— но что может утешить человека, когда ему только десять,— я вошла в училище. Звенел звонок на занятия. По коридору, смеясь и толкаясь, мчались мальчики и девочки разного возраста. Их красные пионерские галстуки подсказали, что все они не моложе девяти лет. Заметив нас, мальчики вежливо поклонились, а девочки сделали реверанс.

Русские, казахи, девочки из Албании, Китая и Индонезии — не было никакой надежды разобраться во всем этом многообразии лиц. Дети из отдаленных районов Советского Союза и из зарубежных стран живут в интернате и находятся на государственном обеспечении.

Как их отбирают? Ежегодно в училище поступает более полутора тысяч заявлений! После строгих экзаменов принимают не более тридцати-сорока человек. Учитывается только талант. Здесь вы можете встретить дочь водителя трамвая, сына механика и горничной в гостинице, дочь стенографистки, сына известного хореографа Лавровского.

В училище обучают не только искусству танца. Все ученики получают среднее образование. Есть еще и дополнительные предметы: история театра и балета, музыкальная литература и т. д. Обязательны также занятия игры на фортепиано, а на отделении народного танца — на каком-нибудь народном инструменте. Обучение бесплатное.

Вот он, секрет совершенства советского балета.

Многие крупные города имеют свои балетные школы. Каждый год они выпускают не только исполнителей, но и преподавателей для Домов культуры, Дворцов пионеров и многочисленных клубов, благодаря чему любовь к искусству золотой нитью проходит через всю советскую жизнь.

Москва подарила мне встречи и знакомства, которые я запомнила навсегда. О двух из них я просто не могу не рассказать.

С Александрой я познакомилась случайно, когда мы вместе укрывались от дождя в каком-то павильоне. За мороженым мы разговорились, она говорит по-немецки. При первом взгляде я подумала: «Жесткое лицо», и была поражена, когда потом узнала, что ей всего сорок пять лет. Мысленно я дала ей лет на десять больше.

Она украинка, муж погиб в фашистском концлагере, она осталась с двумя маленькими дочками. После войны они все приехали в Москву. Старшая получила медицинское образование, а младшая — модельер и собирается работать в одном из трех десятков Домов моделей страны.

— Сначала я была против ее профессии. Я считала ее немного легкомысленной, что ли, вы меня понимаете? Ведь сейчас повсюду столько дел.— Она пожала плечами.— Девочка имеет право жить собственной жизнью.

Я спросила, как ей, вдове с двумя детьми, удалось закончить свое образование и вырастить детей.

Она недоуменно посмотрела на меня, будто бы я сказала какую-то глупость.

— Когда погиб муж, я почувствовала, что обязана сделать так, чтобы наши дети получили все, о чем мы с ним мечтали. Для этого мне пришлось самой тоже учиться. Работать и учиться.

Она жила в маленькой квартирке в старом квартале в центре Москвы; дикий виноград оплетал дверной проем, скрипели рассохшиеся половицы. Квартира состояла из одной большой комнаты с тремя диванами и столом, на котором стояли три настоль-

ные лампы, и такой же большой кухни.

— Наверное, по вашим стандартам, у нас маленькая и тесная квартира.— В голосе Александры не было и тени извинения.— Но когда я получила ее шестнадцать лет назад, она показалась мне дворцом. Когда знаешь, что война разрушила полстраны, многое воспринимается подругому.

Детей удалось спасти только потому, что моя мать успела переправить их в другую деревню, откуда они были эвакуированы в Узбекистан.

Когда Киевская область была оккупирована,— продолжала рассказ Александра,— у нас дома оставались только мой отец, младший брат и я. Отца и брата вместе со всеми жителями деревни расстреляли фашисты. Я уцелела. Ночью я выползла из-под мертвых тел из общей могилы. Какие-то люди нашли меня и спрятали. У них я и осталась.

И хотя я уже достаточно много слышала о зверствах фашистов в Советской стране, я не могла подобрать подходящих слов, чтобы выразить ей сочувствие. Единственное, что я смогла, запинаясь, произнести:

— Тяжелую жизнь вы прожили.

Она пожала плечами:

— Другим женщинам было еще тяжелее.

— Вы замечательный человек,— вырвалось у меня.

Она нахмурилась (по всей видимости, она не любила сентиментальность):

— Любая женщина сделала бы то же самое. Мне еще относительно повезло.

Впервые я встретила этого человека в Москве, в театре имени Маяковского, где смотрела «Иркутскую историю». В последний момент заболел переводчик, и я пошла одна. Мне было любопытно, что я смогу понять из пьесы без посторонней помощи. Но тут вошел он — стройный, красивый особой русской красотой — большой лоб, высокие скулы, вздернутый нос, темные с небольшой проседью вьющиеся волосы. Поняв по моему виду, что я иностранка, он осведомился по-английски, не нужна ли мне его помощь. Он переводил мне, и пьеса наполнилась для меня содержанием. В антракте мы пошли в буфет, как это принято в советских театрах. Немного рисуясь, я сказала, что была в Иркутске дважды. Я уже знала, что это всегда вызывает удивление москвичей.

Мое кокетство несколько поостыло, когда он сказал:

— Этот город интересен и для меня. Я родился в Сибири, за тысячу километров к северу от Иркутска.

Я спросила, где он так хорошо выучил язык.

— Я работал за границей, и английский мне был необходим,— объяснил он.— Но это у меня второй язык, и я владею им не так уж хорошо.

После многих встреч, переросших в дружбу, я поняла, что подобное высказывание вполне в его духе. Он был скромен и о себе всегда рассказывал очень сдержанно. Понадобилось целых три года и три поездки в Советский Союз, прежде чем я узнала историю его жизни, задав ему при этом множество вопросов. Здесь я привожу эту историю, собранную из оброненных им в разное время фраз:

Он родился в 1915 году. Обычная бедная крестьянская семья. Маленькая деревушка на берегу Лены.

— Мой двоюродный брат,— сказал как-то он,— известный историк, он написал книгу о том, как строилась наша деревня и другие по соседству. Эти места обживали в XVIII веке крестьяне, сосланные сюда Петром.

В другой раз он рассказал:

— Под окнами нашего дома текла Лена. С октября по май она замерзала, толщина льда до полутора метров. Зимой морозы градусов 45, а то и 50. Только однажды, помню, был мороз 60 градусов. Даже дышать трудно: холод обжигает легкие.

На противоположном берегу возвышался высокий красивый скалистый утес. Весной, когда таял снег, множество мелких ручейков стекали по нему, соединяясь в один могучий водопад. До сих пор помню его грохот. Для меня это как музыка. Потом лед ломался, и сильная река с шумом несла на себе зеленовато-белые льдины. Каждый год на какое-то время поля оказывались затопленными, а вокруг деревни появлялось множество озер, кишащих рыбой.

Родился я в год большого наводнения. Мама рассказывала, что залезла на крышу школы, потому что все более низкие дома были затоплены.

Отец летом нанимался лоцманом на суда, возившие оборудование для золотых приисков, а зимой возил что надо для англичан на санях. Владели приисками англичане.

Летом мы, все мальчишки, ловили рыбу, но зимой я терпеть не мог помогать отцу тянуть сети. Обычно отец прорубал лунки во льду, и мы протягивали через них сеть. Она была мокрая, скользкая, обледенелая, а рыбы в ней всего-то ничего.

Помню, лет в пять мне страстно захотелось учиться. Школу организовали сами наши односельчане, и учил тоже наш, знавший грамоту. Платили ему провизией. Однажды я набрался храбрости, остановил учителя и попросил его позволить мне ходить в школу. Он покачал головой: «Слишком мал». Хоть я сдерживался, но из глаз потекли слезы, тогда он погладил меня по голове, и я понял — могу приходить на занятия.

На следующее утро я бочком протиснулся в избу, где была школа. Свободного места не оказалось, и я устроился на полу. Бумаги у нас не было, писали на бересте. Когда учителю наконец удалось раздобыть бумагу, она была исписанной с одной стороны. Чернила мы делали сами из ягод.

Мать и старший брат спозаранку уходили в поле, пахали, сеяли, боронили... Меня оставляли дома присматривать за коровой, курами и нянчить четырехлетнего братишку. Еще мать оставляла нам кусок хлеба. Стыдно признаться: я разрезал кусок на две части — побольше и поменьше. Меньшую часть нарезал потом на маленькие кусочки, складывал их так, что получалась большая горка, и предлагал брату выбирать. Он, конечно, выбирал горку. Стыд до сих пор мучает меня, и извинить себя могу лишь тем, что был вечно голодный.

В гражданскую войну в деревню вошли белогвардейцы и японские интервенты. Случилось это в разгар зимы. Они гнали пленных. А потом согнали наших односельчан, у всех на глазах с пленных сорвали одежду и погнали к реке. Там их заставили вырубить проруби, и белогвардейцы стали ведрами тянуть воду из реки и поливать ею пленных.

Всех жителей деревни, женщин и детей, заставили смотреть. Помню и сейчас, как леденели эти сильные мужики, превращаясь в статуи на замерзшей реке.

В восемь лет жизнь моя определилась — учиться. Казалось, что страсть к учению родилась вместе со мной. Она была моим единственным стремлением. Я любил книги и читал каждую свободную минуту. Не было ни электричества, ни ламп, ни керосина. Иногда ночами я читал при свете луны, а уж белые ночи были для меня настоящим подарком. Читал я все, что мне попадалось, любой клочок отпечатанной бумаги, старые газеты и журналы.

Мне было десять лет, когда случилась беда. По традиции только старший сын мог учиться, а второй должен был помогать отцу в поле. Что делать? Я закончил четвертый класс. И это все. Я обратился за помощью к деду, он тоже был на реке лоцманом. Дед дал мне двадцать рублей. Мать сделала два мешка пельменей, и на последнем перед ледоставом пароходе дед отвез меня в город за двадцать километров от нашей деревни.

Я жил у чужих и за свой угол платил тридцать копеек в месяц. Так я закончил пятый класс.

Пельмени на морозе стали каменными, и когда я был голоден, то брал одну в рот и сосал как леденец. Валенки протерлись, и ноги к ним примерзали так, что иногда я их еле стаскивал. Если дергал посильнее, вместе с валенками с ног сдиралась кожа. Однажды я еле приполз из школы и два месяца потом не мог ходить. Но учился хорошо, пятый класс закончил в числе лучших.

Потом он смущенно закончил свой рассказ:

— Вам, наверное, это не очень интересно. Обычная биография людей моего поколения. Рассказал я ее вам только потому, что тысячи людей прошли такой же путь.

Перевела с английского
В. РУСИНА

Из книги Димфны Кьюсак «Праздники среди русских». Лондон, 1964.

ОН

2 сентября

Я и Полли — на границе Чили. Иммиграционный чиновник говорит по-английски.

— Вы уже бывали в Чили? — спрашивает он меня.

Я без колебания отвечаю:

— Нет.

И в своем роде это правда. Сейчас не то Чили, которое я посетил весной 1973 года. То было Чили Сальвадора Альенде. Чили правительства Народного единства. Чили, где была сделана попытка провести реальную земельную реформу в Южной Америке. Страна, где устраивали манифестации рассерженные буржуа. Чили, где в почтовом отделении можно было купить брошюру о том, как создать комитет по контролю над ценами, опираясь на исполнительные декреты правительства Альенде. Чили, где рядом с экономической катастрофой уживалась политическая надежда.

— Нет,— ответил я. И чиновник протянул мне мой паспорт.

Без дальнейших перипетий автобус доставил нас в Сантьяго. Мы находим черный рынок, обмениваем немного денег и отправляемся в дом наших друзей — Л. и ее мужа Б. Недавно она вернулась из изгнания; в 1974 году Л. провела несколько недель в секретной тюрьме и месяцы — в обычной. В конце концов ей разрешили выехать во Францию.

Мы вчетвером идем в кино, и потом, пока ждем автобуса, Б. показывает нам штаб-квартиру тайной полиции. Многие дома пыток находятся в больших солидных особняках в районе, где расположены военные и университетские учреждения и жилые кварталы. Район этот находится в дальнем конце деловой части города. Перед тем как мы входим в автобус, Л. предпреждает, чтобы мы не говорили лишнего в общественных местах. (Кстати, на уличном жаргоне доносчик будет «жаба».)

Л. говорит нам, что 4 сентября, по-видимому, пройдут уличные демонстрации протеста. До захвата власти генералом Аугусто Пиночетом, 4 сентября, в Чили обычно проходили выборы, а при правительстве Народного единства в этот день чествовали демократические завоевания.

3 сентября

Л. немного обескуражена, что мы зашли к ней на работу без предварительного звонка. Она работает с жертвами пыток, и некоторые из ее посетителей не хотели бы, чтобы их видели посторонние.

Я получаю брошюру — «Пытки»,— опубликованную одной из действующих в Чили организаций в защиту прав человека. В брошюре — описания клинического состояния людей, переживших пытки. Я поражен, насколько велик духовный и психологический ущерб, надолго остающийся после того, как зажили сигаретные ожоги и раны от электродов. Долгие годы жертвы пыток страдают от ночных кошмаров, головных болей, депрессии. Иногда пытки становятся причиной помешательства.

Потом я совершаю паломничество к Монеде — правительственному дворцу, откуда Альенде стрелял из базуки по танкам, в то время как самолеты с ревом врывались в небо столицы страны, которая до этого была одним из самых демократических государств Южной Америки.

ПАДЕТ!

Джон М. БИМ

В тот же вечер Габриэла, наш канадский друг, приехавшая в Чили несколько недель назад из Эквадора, ведет нас на концерт народной музыки. Музыканты — девятнадцати-двадцатилетние ребята, оставшиеся без работы. Их единственный доход — импровизированные концерты у больших магазинов в центре Сантьяго.

Они считают неделю удачной, если стоит приятная погода, если они могут наскрести денег на автобус до торгового центра и если «пако» (полицейские) не изобьют их и не отберут инструменты. Габриэла рассказывает, что, когда «пако» прогоняют уличных музыкантов, толпа пытается хоть как-то защитить их.

В тот вечер у магазинов мы слушаем дуэт:

Я из народа,
Из народа я,
Я иду туда,
Куда меня
зовет
народ...

4 сентября

Национальный день протеста. Когда мы начинаем шествие, рядом с нами патрулируют «пако». Число их растет, вскоре полицейских становится больше, чем людей в нашей группе. Нас человек двадцать. Юрист, работающий во французском посольстве, немного отстает. Полицейские тут же хватают его и запихивают в стоящий поблизости зеленый фургон. В случае подобных потерь здесь принято продолжать путь, не останавливаясь. Мы надеемся, что группа юристов-добровольцев поможет своему коллеге из французского посольства. Аресты продолжаются. У Чилийского университета замечаем танк с водометом.

Полдень, и наконец-то начинается демонстрация протеста. Люди бросают в воздух пачки листовок. Они поют, одновременно пританцовывая и подпрыгивая, таким образом выделяясь среди случайных прохожих, которых, правда, немного. Наша группа — одна из сотен подобных групп демонстрантов.

Основной лозунг: «Он падет!» Этот лозунг поют, этот лозунг декламируют, насвистывают, выхлопывают ладонями или выстукивают на любой «звучащей» поверхности. Как только вам запомнился его ритм, вы сразу узнаете его с первых же звуков. И никому, конечно, не надо объяснять, что «он» — это Пиночет.

Все группы направляются в деловую часть города, запрудив перекрестки. Танцуя и подпрыгивая, люди перегораживают улицы и поднимают неимоверный шум. «Пако» сопровождают демонстрантов, их автобусы повсюду. Кое-где в ход идут гранаты со слезоточивым газом.

Л. считает, что сегодня власти вряд ли ограничатся незначительными репрессиями. Она рассказывает нам, что в последние две недели «пако» арестовывали студентов дома и на улицах, вчера в одном только Сантьяго они арестовали 200—250 человек.

День заканчивается. Л., Б., Полли и я идем к центру города. Повсюду демонстранты разожгли костры. С каждым приближением машины мы отступаем в тень. Л. советует нам с Полли не разговаривать: наш акцент может выдать, что мы янки. Огни костров прочерчивают светящимся пунктиром улицы. Мы отправляемся домой.

Позже я прочитал в газетах, что среди троих убитых 4 сентября была женщина, случайно оказавшаяся на улице. Пуля попала в нее, когда она подошла к костру. Выстрел был сделан из машины, не имевшей номеров. Правительство Пиночета, очевидно, решило подключить к репрессиям «эскадроны смерти», которые, похоже, снова набирают силу.

5 сентября

Сегодня я на городском автобусе ездил в Сан-Пабло. Это район на западе Сантьяго, где живет беднота. Некоторые лачуги, в которых ютятся эти люди, имеют площадь всего в шесть квадратных метров.

Школьники ездят на автобусе бесплатно, и водитель признается, что он разрешает некоторым и более старшим ребятам тоже не платить, если они из Сан-Пабло. «Надо быть сплоченными»,— шучу я. Водитель улыбается и соглашается со мной.

Вечером, когда мы возвращаемся домой, прохожий, не останавливаясь, сообщает нам, что район, где живет Л., «пако» только что забросали гранатами со слезоточивым газом, стреляли и обшаривали улицы прожекторами с вертолетов. Б. решает, что ему лучше не возвращаться домой, а провести ночь у друзей.

А мы за двойную плату берем такси. Оно подвозит нас почти к дому Л., и мы, собрав все мужество, делаем несколько шагов до подъезда. Весьма нервная прогулка. На улице еще тлеют костры. Важно помнить, что Л. и Б. живут не в «мятежном районе». Их соседи — нижняя прослойка «среднего» класса, в основном — полицейские или военные. Так что здесь не занимаются политикой.

6 сентября

К., невестка нашего друга, рассказывает нам с Полли о митинге учителей, проходившем в Сантьяго несколько дней тому назад. Подошедший позже всех мужчина объяснил свое опоздание автомобильной пробкой, вызванной тем, что полиция расследовала убийство офицера. «Одним солдатом меньше»,— пробормотала какая-то учительница. Через четыре часа она была без работы.

Вечером Полли и я встречаемся с американской парой, работающей в Сантьяго в неправительственной организации помощи. Они берут под свою опеку беременных женщин, подростков, пытаются организовать бесплатные школьные завтраки.

— В районах бедноты настоящий голод,— утверждает наша соотечественница.— Если бы вы видели, как маленькие дети, получив завтрак, заворачивают и прячут его в тряпичный мешочек для своих сестер и братьев, оставшихся дома. Для многих семей это единственная еда на целый день. Иногда к нам врываются солдаты. Они разрезают мешки с сахаром и мукой, рассыпают их в поисках оружия, и в результате людям, которые и так получают мизерные порции продовольствия, достается еще меньше. Я никогда не забуду беременную женщину, которая была счастлива, что ей наконец удалось покрыть протекающий во время дождя потолок пенопластом. Но радость была недолгой: пришли солдаты и содрали пенопласт, утверждая, что под ним устроен тайник для оружия. Другая семья целый год копила деньги на покупку телевизора. Солдаты отобрали эти деньги под предлогом, что они — вы уже догадались — предназначены для покупки оружия.

Если бы действительно в стране было так много нелегального оружия, наверное, было бы больше убитых «пако» и солдат.

Муж рассказывавшей нам все это женщины занимается проблемами экономического развития. Он считает, что у 800 тысяч семей — примерно 4 миллионов чилийцев — нет крова. (Вспомним, что все население Чили чуть больше 11 миллионов.)

8 сентября

Из газеты «Ла терсера»: «В связи с демонстрациями задержано еще 306 человек. 61 человек (из числа профсоюзных и общественных лидеров, представляющих средние слои населения) обвиняется в «интеллектуальном авторстве» (то есть подстрекательстве) «насилия». 154 задержанных — обитатели беднейших районов, которые во время акций протеста часто являются самыми горячими точками схваток с полицией. 93 человека — студенты технических специальностей, которые заняли кабинет ректора в знак протеста против ареста их однокашников».

11 сентября

«День нашего позора». Чилийцы не смягчают слова, когда говорят о событиях

Джон М. Бим, активист антивоенного движения США. Публикуемый материал — его дневник, написанный в Чили в сентябре 1986 года.

1973 года. Тринадцать лет тирании. А сторонники режима Пиночета называют этот день годовщиной «второго освобождения» Чили. Именно ради этого дня я вернулся сюда.

Мы собираемся за несколько кварталов от кладбища. Женщины в черном. Охапки алых цветов.

Мы начинаем наш марш. Движемся к кладбищенским воротам. Я едва успеваю заучить первый куплет:

Сальвадор Альенде
по-прежнему с нами!
Кто убил его? Фашизм!
Кто отомстит за него? Народ!
Как отомстит? В борьбе!
Создавая народную власть!

Неожиданно за нашей спиной раздаётся топот бегущих «пако», за которыми следует неизменный полицейский автобус. Какой-то человек в панике толкает Полли. Она спотыкается и подворачивает ногу. Другой повисает на трехметровом заборе, через который пытался перелезть: он зацепился за шипы. Несколько человек помогают ему, и он исчезает. Полицейские начинают хватать, видимо, заранее намеченные жертвы, те отбиваются. Воздух наполняется слезоточивым газом, но люди продолжают идти к кладбищу.

Наконец мы оказываемся на кладбище, сюда добралось несколько сотен человек. Мы перегруппировываемся и, скандируя: «Он падет!», движемся между рядами разукрашенных семейных мавзолеев к дальнему участку кладбища, где похоронены безымянные жертвы событий 1973 года. Вдруг в мегафон раздается приказ: марш может быть продо́лжен, если прекратится скандирование.

Мы подходим к стене, в которую вмурована урна с прахом народного певца Чили Виктора Хары. Цветов становится еще больше. Собравшиеся начинают тихо напевать одну из его песен. Кто-то из чилийской комиссии по правам человека произносит краткую речь. Еще одна песня. Еще две короткие речи. Звучит национальный гимн. Затем мы снова начинаем скандировать.

Появляются «пако» со слезоточивыми гранатами и дымовыми бомбами. Люди начинают расходиться, но не бегом, а рассредоточившись по аллеям. Полицейские снова принимаются за свое дело — хватают людей.

На пути домой мы видим грузовики и автобусы, направляющиеся в Провиденсию и Лос-Кондес — районы, где живут богатые. Машины полны людьми, размахивающими чилийскими флагами. Эти празднуют годовщину «второго освобождения» Чили.

Я гляжу на эти флаги, и мне приходит в голову, что в Чили идет борьба за национальные символы. Например, чилийский флаг на дверях здания Национальной академии архитектуры, вывешенный 4 сентября, символизирует симпатию и поддержку участников Дня протеста. Во время нашего пребывания в Чили мы не раз слышали, как на собраниях оппозиционных сил звучал национальный гимн. Чилийцы отказываются отдать свои национальные символы правительству, которое они считают раковой опухолью на теле страны.

Сегодня в горах к востоку от города взорваны три опоры линии высокого напряжения. Участок длиной в сотни километров погрузился во тьму. Обычно такие «затемнения» не рекламируются их виновниками и не объясняются властями, но сегодня партизаны связались с радиостанцией «Радио кооператива», одним из источников новостей, пользующихся доверием населения. Они сказали, что эта акция посвящается памяти Сальвадора Альенде. Одна местная газета «списала» на «затемнение» 170 арестов.

Я сказал, что мне надоели сообщения по радио о постепенном включении электричества. А чего еще ожидать? Богатые районы обеспечиваются током в первую очередь и только затем — бедные. Разве это новости? Л. возмущена моими словами. «Да,— многозначительно говорит она.— Это важные новости. Потому что районы, оставшиеся без электричества,— это те части города, которые скорее всего подвергнутся сегодня вечером повальным обыскам».

Во вчерашней газете опубликованы огромные портреты Пиночета, окруженного холеными офицерами, и пространные отрывки из его речи. Но еще более леденящим душу выступлением стала проповедь военного викария Хоакина Матте. Викарий благословил павших в 1973 году. Не похоже, чтобы он говорил о неопознанных жертвах пиночетовцев или о Викторе Харе: «Тринадцать лет тому назад беспрестанно возносились к небу молитвы, и Мария совершила чудо. Наступила вторая независимость Чили. В эту годовщину мы преклоняем голову, чтобы возблагодарить господа за все, что он совершил, в первую очередь на благо бедным и нуждающимся».

Точно, приятель. Расскажи это рабочим, продающим за гроши в автобусе конфетки. Или студентам, объясняющим прохожим на улице правила ухода за зубами или о чем-то другом «по специальности». Расскажи это всем тем безымянным покойникам, погребенным среди сорняков на окраине кладбища.

Л. пытается убедить меня не совать нос в происходящее вокруг. Для меня это трудно. Тот политический климат — антивоенное движение против агрессии во Вьетнаме, против ядерных вооружений,— в котором я вырос, научил меня, что это равносильно подлости. Л. рассказывает, как шесть месяцев назад группа одетых в штатское агентов тайной полиции ворвалась в помещение организации в защиту прав человека, пользующейся международным признанием, избила мужчин, грубо приставала к женщинам и разгромила все. Даже легальная деятельность в Чили связана с реальным риском. Тот, кто хочет действительно помочь чилийцам, должен постоянно быть начеку. Нельзя накапливать в уме имена, адреса и места работы различных людей — это безответственно, ведь пытки стали нормой при допросах политических заключенных.

С ноября 1984 по апрель 1985 года Чилийская комиссия по правам человека документально зарегистрировала 115 случаев систематических пыток, 236 случаев «жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения» с политическими заключенными, а также 18 нападений громил на профсоюзные и культурные учреждения и организации, оказывающие социальную помощь населению.

14 сентября

Мы с Полли снова провели день у К. и Х. Мне они нравятся: хотя они и не участвуют активно в акциях протеста, но и не поддерживают диктаторский режим в отличие от многих других представителей «среднего» класса, которые смирились с правлением Пиночета.

Во время завтрака наши хозяева рассказывают, что никто в их районе не вывесил на «годовщину» флаги. Х. обращает наше внимание на антипиночетовские надписи на стенах. Он также показывает нам мост через реку Мапочо, прорезающую город. На этом мосту в часы пик в сентябре 1973 года водители, замедляя ход своих автомобилей, видели, как власти вылавливали из реки мертвые тела. К. и Х. по-прежнему регулярно приносят цветы на могилу товарища по работе, убитого во время переворота.

19 сентября

В прощальный вечер вместе с Л., Б. и Габриэлой мы с Полли едем в Нуньо — район, привлекающий активистов оппозиции. Все собираются в «Чунчо солидарио» — это множество столиков, расставленных под эвкалиптовыми ветвями. Вокруг нас снуют добровольные официанты и официантки. Кому не хватило места за столиками, сидят прямо на земле, «Чунчо солидарио» заполнена до отказа.

Это заведение содержит Чилийский университет: оно обеспечивает ему фонд помощи нуждающимся студентам. Толпа ведет себя дерзко и независимо. Почти начинаешь верить, несмотря на многочисленные свидетельства обратного, что Пиночет и его клика уже завтра убегут из страны. (В минуты более мрачного настроения Л. говорит: «Посмотрите на Стресснера в Парагвае. Вспомните, как долго держался у власти в Испании Франко».)

Но сегодня мы хотим верить в лучшее. Танцплощадка переполнена, и после каждой песни люди скандируют: «Он падет!» Если наше общее желание может совершить что-то реальное — он падет. А оркестр играет «Ла бамбу», все время возвращаясь к первой строке песни, и мы скандируем хором: «Он падет! Он падет! Он...»

Перевел с английского
С. КАПТЕРЕВ

ЖИЗНЬ ВДВОЕМ

Ютта РЕШ-ТРОЙВЕРТ,
психолог, специалист по проблемам
молодой семьи. ГДР

ЖИЗНЬ ВДВОЕМ

Мать-прислуга

Моя взрослая дочь замужем. Молодые живут у меня. Они отдают часть заработанных денег мне и смотрят на меня как на домработницу. Стоит мне что-то сказать, как мне отвечают дерзостями. Впрочем, все шло гладко, пока я во всем уступала и отказывалась от своей личной жизни.

Фрау А.

Дорогая фрау А.!

Такая, с позволения сказать, семья, которая пользуется всеми удобствами родительского дома, худо-бедно выплачивает матери деньги за свое питание, но не желает разделить со старшими хозяйственные тяготы, не заслуживает родительских забот. Вам следовало бы со всей определенностью дать молодым почувствовать, что самое заботливое внимание имеет пределы. Часто оказывается, что родители, сами того не желая, воспитывают детей эгоистами, потому что вечно себе во всем отказывают. Такие дети, став взрослыми, обычно считают, будто у старших жизнь уже позади и их предназначение и главная радость — жить для детей. Разве не естественней было бы, если бы взрослые дети, продолжающие жить в родительском доме (а тем более у одинокой матери!), постарались взять на себя чуть больше домашних обязанностей, чтобы у матери, не имевшей прежде свободного времени, появился досуг! Если в ближайшее время проблема не разрешится, предложите молодым переехать к родителям мужа.

Ревнивая жена

Мне 21 год, я два года как женат. Все шло хорошо, пока моя жена не начала устраивать мне сцен ревности, хотя для ревности нет никаких оснований. Стоит мне задержаться, она звонит мне на службу, стоит мне взглянуть на дом, где живет моя бывшая подружка (тому уже пять лет!), начинается скандал. Даже если мне понравится дикторша на телевидении или киноактриса...

Зигфрид

Дорогой Зигфрид!

Без ревности, как говорится, нет любви. Кому все безразлично, кого не волнует отношение любимого, с тем что-то не в порядке. Небольшие ревнивые выпады, особенно шутливые, могут только порадовать: значит, она тебя любит, не намерена делить любовь с другими, а тем более потерять. Ссора из-за ревности обычно начинается только тогда, когда не найдено смягчающее, примиряющее слово.

Подумай, что было поводом для необоснованных волнений жены? Явное недоверие? А может быть, недостаточная уверенность в себе? Неуверенность — одна из главных причин необоснованной ревности. Если ты, Зигфрид, заметишь за собой повторяющуюся необязательность, недостаток пунктуальности, если ты позволяешь себе не выполнять обещания, то имей в виду — все эти мелочи вызывают постоянное недовольство, которое может проявляться в ревности.

Прежде чем сердиться, вспомни: был ли ты внимателен к жене? Любовь всегда требует все новых подтверждений. Часто ли ты говоришь жене, как она тебе нравится? Как она хорошо выглядит? Что еда, которую она приготовила, вкусная? Какие ты даришь ей подарки и по какому случаю? А цветы? Что вообще приятного ты сделал для нее? Думаю, если бы твоя жена твердо знала, как она тебе дорога, ей и в голову не пришло бы ревновать к дикторше на телевидении.

Окончание. Начало в № 2.

Так что советую тебе, Зигфрид, не вступая в пререкания, постараться улучшить моральную обстановку вокруг жены, чтобы возросла ее самооценка. И нужно все-таки дать ей выговориться, только сделать это лучше не дома, а, например, в кафе. На людях человек обычно ведет себя осмотрительнее, это предохранит вас от грубой ссоры. Лучший результат такого разговора, когда обоим становится смешно — до какой глупости могут дойти два любящих человека!

Ты должен, однако, иметь в виду: такие обиды могут повториться. Звонки твоей жены к тебе на работу свидетельствуют о серьезности ее состояния, возможно, об остром недоверии. Такое «шпионство» затрагивает вашу общую честь и ставит под удар твой авторитет, так же, впрочем, как и ее. Думаю, твоя жена поступает необдуманно под действием сильных эмоций. Поэтому тебе надо со всей определенностью дать ей понять, что так поступать нельзя. А в остальном подчеркну еще раз: побольше знаков внимания и жизнерадостности — и нервозность пройдет. Ты ведь не думаешь, будто спасение вашей любви не стоит того, чтобы ты какое-то время чуть больше отдавал, чем получал взамен!

О распределении обязанностей

В нашей семье чересчур много времени уходит на домашние дела. Я человек основательный, многое охотно делаю сама. Но времени катастрофически не хватает. Муж готов помогать, но он сам говорит, что очень неловок, а многого вообще не умеет. Он просто не замечает, что необходимо сделать. Для него вполне достаточно, если в доме «видимый порядок». Как мне побудить его к большей активности и к пониманию?

Бригитта

Дорогая Бригитта!

Ты затронула проблему, которая становится поводом для многих семейных конфликтов. Неравномерное распределение обязанностей в семье объясняется отчасти тем, что все еще не преодолены старые понятия о том, какие семейные дела следует считать мужскими, а какие — женскими. Даже в молодых современных семьях по старинке девочек приобщают к домашней работе больше, чем мальчиков. Подрастающие юноши привыкают к тому, что мать и сестра постоянно заняты домашними делами, и полагают, что и жена должна вести себя точно так же. В поведении твоего мужа проявляются недостатки родительского воспитания, его неумелость — следствие недостатка опыта.

И все же в твоем письме, дорогая Бригитта, проглядывает и твоя личная ошибка: ты чересчур гордишься тем, какая ты хорошая хозяйка. Ты постоянно контролируешь мужа и, наверное, придираешься. Он уже привык, что все делает не так и лучше ему вообще ничего не делать.

В первую очередь вам надо распределить обязанности так, чтобы каждый отвечал за что-то конкретное. При этом нужно учитывать способности и наклонности человека. Ни к чему, например, заставлять мужа мыть посуду, если он умеет достаточно хорошо делать уборку. Справедливости ради хочу сказать, что мужчины обычно охотнее всего возятся с техникой — ремонтируют, отлаживают, чинят и т. п., что, бесспорно, очень полезно для семьи. Но почему-то некоторые жены считают: если муж часами ремонтирует мотоцикл, то это его хобби.

Семья и алкоголь

Мне 21 год, я уже год замужем. Моя проблема в том, что муж слишком часто посещает пивную. Раньше я думала, что он просто никак не отвыкнет от прежней вольной жизни. Я знала, где его найти, и шла к нему. Наверное, это было ошибкой. Когда мы узнали, что будет ребенок, он пообещал ограничить свои выпивки. Но сначала мы жили у моей матери, там было очень тесно, мы часто ссорились — для него это было поводом, чтобы снова отправиться в пивную. И теперь, хотя у нас уже есть своя квартира, ничего не меняется. Ему, конечно, совестно, и когда он приходит домой навеселе, он старается быть особенно милым. Но я уже не могу держать себя в руках и постоянно ссорюсь с ним. Он говорит, что не может отказаться выпить с товарищами, потому что товарищи скажут, что он слабак и жена им крутит как хочет...

Анна

Дорогая Анна!

Ты описываешь типичную картину, которая, к несчастью, разрушает многие браки. Твой муж не алкоголик. Но частые выпивки стали для него привычным делом. Между тем алкоголь — отправной пункт развития многих проблем в браке, его влияние отравляет все стороны супружества. Неприятности начинаются уже с того, что муж раз за разом демонстрирует свою необязательность. О походах в пивную домашних не предупреждают заранее, они просто ставятся перед фактом. Представь себе только, что бы случилось, если б жена не пришла домой после работы! Мир перевернется! Упрекам и возмущению не будет конца... Разумеется, алкоголь подрывает и финансовую базу семьи. Частые выпивки изымают из семейного бюджета немалые деньги. Но сильнее всего страдают интимные отношения.

Милая Анна, задача перед тобой очень сложная, и решать ее можно, только учитывая весь комплекс проблем. Прежде всего, по-моему, нет смысла ругать его каждый раз, когда он выпьет: в такие моменты на него вообще никакие аргументы не подействуют. Тебе надо изменить ситуацию в целом. Начни с того, что переложи на мужа побольше ответственности за семейные дела. Пусть он, например, забирает ребенка из яслей. Туда неловко явиться навеселе, да и над отцом, которому нужно забрать домой ребенка, труднее подтрунивать его друзьям, чем над послушным супругом. И пожалуй, не стоит чересчур яростно выступать против его встреч с друзьями. Раз он хочет доказать своим знакомым, что он сам себе голова и вовсе не под каблуком у жены, значит, возможно, ты его слишком жестко опекала. А может быть, он попросту не замечает, как веселые гуляки (будь то холостые мужчины или разведенные) сами же посмеиваются над его готовностью доказывать всем и каждому, что он «не слабак». Такое тоже бывает, особенно среди любителей выпить за чужой счет. Хорошо бы тебе повнимательнее изучить мотивы выпивок у его приятелей, чтобы можно было бы несколько приоткрыть мужу глаза на его незавидную роль в этой компании. Очень важно создать для вашей семьи круг общих друзей и устраивать общие праздники. Постарайся запланировать какие-то развлечения и в обычные дни. Если все дни и вечера у вас на одно лицо, возможно, твой муж думает, что дома он не так уж много теряет.

Дружба — дружбой, а денежки...

Нам не хватает денег, хотя мы оба неплохо зарабатываем. Мы решили, что зарплату мужа будем откладывать на необходимые приобретения, а на мою зарплату будем жить. Муж вкладывает и свои деньги, но только если приходят гости, и все равно денег постоянно не хватает, а когда я прошу его добавить, начинается скандал. Он утверждает, будто я не умею вести хозяйство. Я предлагаю, чтоб он взял бюджет на себя, но он категорически отказывается, считает, что это — женское дело. В чем моя ошибка? Как научиться правильно распределять деньги?

Рената

Дорогая Рената!

Поскольку речь идет о семейном бюджете, о деньгах, заработанных и мужем и женой, то и рациональное ведение хозяйства никак не сугубо женское дело. Однако в действительности часто бывает, что традиционно выработавшийся взгляд на женщину как на хозяйку (опять пережиток: жена — домохозяйка!) проявляется в выводе: если денег не хватает, значит, жена — плохая хозяйка. Денежный вопрос — далеко не второстепенная проблема для каждой семьи.

По-моему, умению обращаться с деньгами и мальчики и девочки должны учиться в родительском доме. Молодые люди еще задолго до вступления в брак должны достаточно ответственно участвовать в разнообразных семейных покупках. Можно предположить, что поведение твоего мужа, который сваливает вину на нехватку денег и все денежные проблемы на тебя,— результат неправильного воспитания. Вы непременно должны с ним объясниться, выяснить свои позиции по денежному вопросу и попытаться решить проблему сообща.

Прежде всего проверьте, насколько реально ваше распределение бюджета, не завышена ли программа экономии! Молодым людям часто свойственна одна ошибка: они недооценивают реальную стоимость жизни и переоценивают возможности экономии. Излишняя экономность может повредить семейной жизни, особенно если на ней настаивает только один из супругов или если сэкономленные деньги расходуются в пользу одного из супругов.

Далее. Мне очень не нравится, дорогая Рената, что в вашей семье говорят «мои деньги» и «его деньги». Не лучше ли в интересах упрочения вашего семейного единства объединить обе ваши месячные зарплаты, затем определить, какие вам предстоят расходы, и только после этого выделить сумму, которую можно отложить. По-моему, в моральном отношении ситуация становится все более неблагоприятной, если твоя зарплата каждый месяц расходуется, в то время как «его» деньги лежат на счете в сберкассе.

Определите, сколько вам нужно на питание, на текущие расходы. Если все аккуратно подсчитать и разделить деньги, не пытаясь обмануть самих себя, то неприятности прекратятся. Если же вновь не сойдутся концы с концами, проверь: не слишком ли часто ты соблазняешься на покупку всяких симпатичных мелочей и не слишком ли быстро выбрасываешь еще годные вещи. Ведь правильное ведение хозяйства зависит не только от правильного распределения бюджета, но и от того, что мы едим и многое ли умеем делать своими руками...

Издерганы... родителями!

Мы были очень счастливы, но теперь назревает конфликт, который лишает меня всякого мужества. С тех пор как у нас родилась дочь, мои родители приходят к нам по четыре-пять раз в неделю. Эти посещения нервируют мою жену, она сердится — и на меня тоже. Мои родители чересчур вмешиваются в воспитание ребенка. Они обижаются, если мы с ребенком идем к родителям жены и не заходим к ним. Когда мы просим посидеть с девочкой сестру моей жены, чтобы куда-то сходить вдвоем, моя мать считает это личным оскорблением. В то время как я постоянно стараюсь как-то сгладить семейные ссоры, жена заявила, что если я не в состоянии объяснить своим родителям, что у нас своя семья, то могу переезжать к ним.

Удо

Дорогой Удо!

Твоя жена совершенно права. Молодая семья должна быть самостоятельной, чтобы в ней все было так, как хотят двое. И никто не имеет права вмешиваться или просто являться, когда ему вздумается. Твои родители слишком далеко заходят в своем стремлении к тесным контактам, они мешают становлению вашей семейной жизни. Хорошо, что твоя жена не хочет этого терпеть. В интересах вашей семьи и вашей дочки, которую вам еще воспитывать и воспитывать, настоятельно советую тебе строго ограничить неумеренные контакты. Я понимаю, как больно тебе обидеть отца и мать, но ты должен подумать и о своей семье.

Мне кажется, впрочем, что поведение твоих родителей не лишено известной доли эгоизма. Они не хотят расстаться с тобой и не желают признать, что своей «слепой любовью» они причиняют тебе, твоей жене и твоей дочери огромный вред, разрушая вашу семью. Ты должен самым недвусмысленным образом сказать им, на чьей ты стороне. Любя тебя, они покорятся.

В дальнейшем тебе нужно будет продолжать заботиться о родителях и навещать их. Если жена не захочет пойти с тобой вместе — что ж, иди один. Лучше выбирай такой момент, когда у нее тоже есть какие-то планы: это позволит вам избежать новых столкновений. И не замалчивай перед родителями, почему твоя жена так сильно рассердилась.

Некоторые визиты — всегда вопрос приличия. Не нужно думать только о своих удовольствиях, надо иной раз доставить радость и родителям. Старайтесь все-таки быть терпимыми и уважать привычки стареющих людей. Но ни в коем случае не позволяйте превратить себя в яблоко раздора между двумя родительскими домами. Итак, ваша главная задача — не выпускать из рук руля, для чего необходимо выработать единое мнение, а затем уж достаточно чуточку деликатности, чтобы дело уладилось с миром.

Чуть что — бежать!

Мы женаты полтора года. В муже я видела свой идеал. Он прилежен, помогает по дому, мы все делаем вместе. Я никуда не хожу одна, без него мне ничто не в радость. После работы всегда спешу домой. Но он на днях пришел домой с большим опозданием. Я потребовала объяснений. Он с товарищами по работе зашел в кафе. Он признал, что нарушил наш уговор — никуда не ходить в одиночку. Но уже на следующий вечер (это был какой-то праздник) мне пришлось пойти его искать, и я нашла его в Доме культуры, где он спокойно отплясывал. Я собрала свои вещи и ушла к родителям. Они тоже так возмутились, что посоветовали мне развестись.

Марлен

Дорогая Марлен!

Ты, конечно, ожидаешь, что я выступлю в твою защиту и начну критиковать твоего мужа. Но, должна сказать, в описанной ситуации ты повела себя как человек незрелый. Нельзя же, в самом деле, при первых неприятностях отказываться от семьи, как от сломанной игрушки! Чашка кофе в кафе не может разрушить образ идеального мужа. И не годится современной молодой женщине устраивать из-за такой мелочи сцену. Зачем превращать себя в карикатуру!

Можно в корне сгубить семью, если руководствоваться строгим законом: «Ни шага без супруга!» Наоборот, вам нужно создать атмосферу доверия, когда каждый, не боясь вызвать обиду, сможет спокойно видеться с друзьями и знакомыми.

Тот факт, что без мужа тебе ничего не в радость, я расцениваю не как знак особой любви и верности, а скорее как признак скудости интересов. Тебе следует ослабить жесткую связь между собой и мужем. Нельзя посвящать все свое свободное время семейным делам. Встречайся с подругами, сама ходи со своими коллегами в кафе, участвуй в общих делах на работе — это поможет тебе расширить кругозор.

Кто не хочет признать за мужем или женой права на некоторую личную свободу, накладывает на брак опаснейшую петлю, которая либо задушит семью, либо рано или поздно лопнет. Ты должна понимать, что в коллективе всегда найдутся люди, которые меряют силу характера мужчины по его готовности остаться вечером сыграть в шахматы, например, или съездить, скажем, искупаться без ведома жены. Наверняка твоему мужу кто-то сказал, что он под каблуком у жены. И он решил опровергнуть такое мнение. Представляешь, в каком нелепом виде ты выставила вас обоих, умчавшись к родителям! С их стороны было бы правильнее немедленно отправить тебя домой. Но, по всей вероятности, твои взгляды на брак воспитаны в родительском доме, иначе твои родители не посоветовали бы тебе при столь безобидном конфликте подавать на развод.

Так что перестань, дорогая Марлен, запугивать мужа своими необоснованными угрозами и нелепым поведением. Не хочешь же ты, чтобы он считал тебя глупой! Имей в виду: в следующий раз он может поймать тебя на слове и согласиться на развод.

Перевела с немецкого Г. ЛЕОНОВА

Что такое мода! Как за ней угнаться! «Полагайтесь на свой вкус, не теряйте своего лица»,— говорят:

болгарский публицист С. ПРОДЕВ,

Оноре де БАЛЬЗАК,

французская законодательница мод Габриэль (Коко) ШАНЕЛЬ,

западногерманская журналистка Лили ФРЕЙ.

С. ПРОДЕВ,
болгарский писатель

Однажды меня спросили молодые люди, что в современной жизни меня тревожит серьезно. Вопрос был задан неожиданно, как говорится, в лоб, и я не мог от него отвертеться. Поэтому, не задумываясь, храбро ответил: «Мода!» Мода, но, конечно, не как портновское понятие, а как жизненная позиция или, точнее, как способ приобщения к миру. Разумеется, подумав, я сказал бы о чем-то другом, потому что вокруг нас есть немало вещей, которые меня тревожат больше, чем мода. И все же я не жалею, что в тот момент мне на язык попалась именно мода. Не буду сравнивать ее с некоторыми другими явлениями нашего бытия, но, согласимся, этот тип приобщения к жизни из тех, что часто провоцируют общественное чувство. Ее бесконечные перевоплощения — от туалетов до книг — все активнее влияют на общественную атмосферу. И в ряде случаев так массово и бесцеремонно, что людям, оставшимся вне ее влияния, становится все труднее защищаться от ее атак, чтобы сохранить себя.

Обычно моду рассматривают как стремление индивида выразить себя, копируя тот или иной образец. Но вместе с тем это и попытка человека шагать «в ногу со временем», искусственно причисляя себя ко всему, что общепринятая реклама или общепринятая мысль провозгласила за «современное» и «новое». Независимо от побуждений результат всегда один и тот же: обезличивание человека путем унификации его вкуса и амбиций, превращение его в своеобразный магазин готового платья, в манекен времени. Все личное, не находя проявления, стирается.

Только один пример.

Во времена Дюма-сына, а это вторая половина XIX века, в парижских гостиных туберкулез считался болезнью интеллектуальной элиты. Тогда было просто обидно заболеть другой болезнью, особенно если решил умереть как великий поэт или известная куртизанка. Вот почему самые модные дамы Парижа не употребляли никаких румян, они хотели выглядеть бледными до восковой прозрачности, а на шее носили большие черные банты. Все хотели быть похожими на Виолетту Валери из «Дамы с камелиями», на модный образ, нарисованный Дюма-сыном, который с успехом шествовал по парижской сцене. Для парижских гостиных цветущий вид и розовые щеки были выражением простонародности, душевной грубости, непростительной деградации вкуса. Немного спустя, когда Франция была растоптана сапогом Бисмарка, победители уплетали сосиски и, представьте себе, у них были красные щеки.

Только через несколько лет тип «Виолетта Валери» стал немодным, восковая красота салонов исчезла вместе с последними каретами монархии. Мир открыл, что в пышных формах героини Золя Наны гораздо больше очарования и современности, чем в худобе чахоточных муз. И тогда самые высокопоставленные дамы начали румяниться и краситься, подобно женщинам с панели, ужасаясь одной только мысли, что могут заболеть туберкулезом. Стало гораздо современнее умирать от апоплексии.

Я привел этот пример вовсе не для того, чтобы кого-то посмешить, а чтобы показать всю недолговечность большей части модных увлечений. Хотя и исторический, он универсален, так как речь вовсе не идет о гардеробе эпохи, речь о ее духовной атмосфере.

Во времена Дюма-сына и его героинь покоренные модой платили дорогую дань

целому комплексу вкусов и понятий, который лишал их нормального взгляда на вещи и бросал в объятия общепринятого шаблона. А шаблон, как и бывает обычно, навязывался и контролировался теми, кто хотел бы, чтобы мир был похож только на них. Не случайно тогда все усы были типа «а-ля Наполеон III». Усы монарха!.. Усы Бисмарка и Ницше пока не имели никакого успеха в салонах Версаля и Монпарнаса: еще не пришло их время.

В те годы модный Париж предпочитал домашние концерты опере, ценил господ по нанятым служанкам и отдавал предпочтение тем политическим цветам (и газетам), которые нравились семье банкира Ротшильда. Во имя своей репутации законодателя мод тот Париж не принимал ничего, что не соответствовало его пониманию современного. Ради моды Париж долгое время не читал Бальзака, отрицал Золя, предпочитал Россини Берлиозу, славил художников академии, оплевывал импрессионистов, купал в шампанском примадонн театра «Жимназ», а Бодлера оставил умирать с голода. Даже Гюго — отец нации — был отодвинут на задворки, потому что модный вкус не принимал его «грубую и мятежную музу». Все, что не влезало в модные шаблоны Второй империи (1852—1870.— Ред.), не находило признания и успеха у тех, кто подчинял свой вкус ее канонам. Без сомнения, такие люди жили в отрыве от настоящих проблем времени и искусства, они были чужды и враждебны всему, что составляло истинную славу тогдашней Франции. Впрочем, такая судьба постигает всех, кто становится рабом моды. Независимо от того, где и когда (в данном случае эпохи отличаются только подробностями) эти амбициозные, но наивные люди теряют самое важное — свою самостоятельность, свое духовное право принимать или отвергать по собственному выбору правду и заблуждения времени.

Когда Золя выступил против академизма официального салонного искусства и защищал картину Эдуара Мане «Завтрак на траве» (1863 год.— Ред.), модные снобы Парижа как один поднялись против великого писателя. Они организовывали митинги у картины, угрожающе тыкали в нее своими тросточками и кричали, что это святотатство. Что же их разъярило так сильно? Отсутствие мастерства или обнаженное тело? Ничего подобного. Просто картина не отвечала канонам, узаконенным тогда в искусстве. Типажи, нарисованные Э. Мане, были взяты прямо с улицы. «К несчастью,— писал шутя Золя,— на полотне изображены обыкновенные люди, вся вина которых в том, что мускулы и кости у них, как у всех людей». Вот что повергло в ужас модный Париж. Привыкший взирать на лебедей, амуров и античные сцены, он увидел вдруг усевшихся на земле парижан такими, какие они есть, без героических поз и лицемерной стыдливости. Художник не подражал моде времени, а бесцеремонно поднялся над ней, провоцируя таким образом общественный вкус. Толпа, продавшая душу этому вкусу, была глубоко задета. Не имея собственного мнения, она учинила скандал, в который раз доказав, что там, где властвует мода, нет внутренней свободы, личного выбора, способности и возможности индивидуального сопереживания проблемам, поднятым произведениями искусства.

Не будет преувеличением сказать, что мода, в конце концов,— это ограничение. Она нравится только самой себе. Она не дискутирует, а канонизирует, приказывает, превращает все в своего двойника, в тень образца, избранного ею. Формируя вкус масс, мода практически постоянно подсказывает, что должно нравиться, а что надо отвергнуть. Она хватает свои жертвы за руку, украшает их челками, бакенбардами и кружевами, выбирает им кумиров — любимых поэтов и певцов, дает им несколько заученных фраз и поз, создает самочувствие и в результате превращает их в кукол, сколь соответствующих ее законам внешне, столь же и пустых внутренне. Границы моды ярко очерчены, и любое перешагивание их — уже само по себе нарушение «закона», малый или большой скандал, неприличный жест. Помню, как несчастны были молодые женщины с обычным бюстом в начале 60-х годов, когда модой была Брижит Бардо. Чего только не делали милые женщины, чтобы приобрести профиль поэротичнее, чтобы бросить в лицо улице больше плоти и, конечно же, больше агрессивности. Сейчас, если не ошибаюсь, игра прямо противоположна — плоская грудь никого не смущает, потому что котируется спортивный стиль, женщина-мальчик.

«Все течет, все изменяется»,— говорит пословица. Но больше всего меняется мода. При своей агрессивной природе она непостоянна, как ветер. Очень часто, только появившись, она тотчас уходит, оставив в гардеробах и душах почти не ношенные одежды и почти не осуществленные чувства, мысли, концепции. Как-то один раб моды похвалился мне, что наконец достал две пластинки Джонни Холидея! О милый! Ты ликовал, когда Холидей уже стал прошлым и вместо эстрады подвизался в шоу-программах какого-то сомнительного цирка. В желании быть «современным», идти в ногу с модой мой знакомый пропустил самое важное — апогей модного явления, сладкой болезни во время эпидемии, впал в лихорадку после всеобщего «выздоровления». Но что поделаешь — мода не ждет никого. Она не существует для себя самой. Она существует для тех, кто умеет делать на ней деньги и социально-психологические бумы, поэтому в конце концов мода — это всего лишь одна витрина, которая должна быть распродана, духовная спекуляция стереотипом, который должен быть реализован...

Скорей всего я не выступал бы так убежденно против моды, если бы ее кратковременные вихри затрагивали лишь поверхность человеческой природы. Но, к сожалению, иногда они очень глубоко проникают в духовное начало и совершают там тяжелые опустошения. Вспоминаю начало 60-х годов, когда у нас неожиданно произошел взрыв литературной моды — Хемингуэй. Некоторые опоздавшие читатели большого писателя (большинство из них — начинающие литераторы) шумно решили, что открыли классика века, что без «папá Хемингуэя» мировая литература вообще ничто. Это было мило, но наивно. (А что еще хуже — очень модно.) В те же годы мировая печать подняла большой шум вокруг имени американского писателя. И часто не вокруг его творчества, а по поводу событий частной жизни Хемингуэя. Некоторые наши писатели, поддавшись моде, даже начали писать а-ля Хемингуэй, привнося чуждые болгарскому духу литературные и психологические манеры, уверяя, что таким образом они вступают на путь великой мировой литературы. Драма их следования моде, а отсюда и их вкуса, состояла в недостаточном знании фактов.

И это всегда так: мода легко пробивается там, где не хватает эрудиции и опыта. Чрезмерное преклонение перед Хемингуэем случилось в то время, когда зараженные модой еще не читали Бабеля, Булгакова, Томаса Манна, Моэма, Фолкнера, Иво Андрича... С одной стороны, они не ведали сомнений в истинности своего вкуса, с другой — самоуверенно и бесплодно шли по избранному пути. Думаю, что многие из них уже разгрузили имя Хемингуэя от непосильных эпитетов, какими награждали его в период своего модного увлечения. Я уверен, что сегодня для большинства из них «папá Хемингуэй» стал тем, кто он есть на самом деле,— одним из величайших писателей эпохи. Но, видимо, есть и такие, кто всю свою жизнь будет нести груз моды, имя которой Хемингуэй, потому что болезнь, именуемая модой, не всегда проходит бесследно. Подобно грозной оспе, она тоже часто оставляет свои шрамы. И нередки случаи, когда люди довольно солидного возраста хранят совсем несолидные взгляды на давно проверенные истины или давно опровергнутую ложь. Где-то внутри в них дремлет то, что давно забыто миром, но чему они когда-то отдали взаем свою душу.

В конце 1972 года американский журнал «Лайф» опубликовал смешную историю о родившейся моде «Стайнем». Дело в том, что в США живет мисс Стайнем, общественная деятельница и писательница, широко известная благодаря своим феминистским позициям. Эта госпожа носит очки от сильной близорукости. До сих пор ничего смешного, не правда ли? Но вот начинается

и смешное. Оказывается, в Америке появились десятки тысяч женщин, стремившихся быть похожими на популярную Стайнем. Они копировали ее прическу, ее манеры и, что самое анекдотичное,— ее очки. Близорукие или нет, копии Стайнем шагали по улицам в очках, счастливые, что похожи на своего идола. Что это такое? Увлечение, забава или глупость? Не знаю, как об этом думают социологи, но для меня это пример агрессивности моды. Желание массы идентифицироваться с единицей, сравняться с ней хотя бы внешне. Бессилие десятков тысяч женщин открыть и выразить свой собственный образ.

Именно в капитуляции индивида перед модным образцом, перед идолом дня кроется самая страшная западня: автоматическое преклонение перед моделью или перед «новой» правдой очень коварно. И это не только вопрос эстетической обезлички, но и социальной непричастности, незаметное, но трагическое погружение в иллюзии. В этом смысле общение с модой сколь забавно, столь и деликатно, сложно, опасно. В конце концов, это одна из многих битв человека за самоутверждение, за отказ от шаблона, за неподчинение тотальному диктату, за собственный стиль жизни...

О моде как общественной и личной проблеме можно говорить много. Может быть, потому, что это не только эстетика, мода — это и торговля, и социальный феномен, и психология, и мораль, и политика. Мода — человек плюс его стремление к новому и его слабости. Человек, раздвоенный между реальностью и иллюзиями.

Здесь любое легкомыслие может закончиться печально. Путь от модных бакенбардов к модной книге не так сложен и длинен. И в обоих случаях он — выражение внутренней инертности, расслабляющей человека. А что мы все без способности сопротивляться всему, что хочет нас обезличить? Хорошо одетые манекены, да и только! Путешествующий гардероб, гремящий по мостовой, полный воздуха при дефиците собственной индивидуальности, атмосферы...

Перевел с болгарского
В. МИЛЮТЕНКО

МОДА

О ГАЛСТУКЕ

как таковом и о его отношениях с обществом и человеком

Оноре де БАЛЬЗАК

Действительно, из всех предметов туалета галстук — единственная человеческая деталь, единственная, где есть индивидуальность. Прелести вашей шляпы, платья, сапог — заслуга шляпника, портного, сапожника, вручивших их вам во всем их блеске; в них нет ничего собственно вашего. Что же до галстука, тут у вас ни помощи, ни поддержки; вы предоставлены самому себе; рассчитывать приходится только на свои силы.

По отношению к галстуку люди делятся на три основные категории.

Сначала, если начинать с категории, меньше всего заслуживающей нашего внимания, идет многочисленный отряд людей, которые носят галстук, не чувствуя и не понимая его, и каждое утро заматывают кусок ткани вокруг шеи, как это делают с пенькой; целый день они прогуливаются, потчуются, делают свои дела, а вечером ложатся в постель и засыпают без зазрения и угрызений совести, совершенно довольные собой, так что можно подумать, будто их галстук был завязан лучшим в мире образом. Люди не нашего времени, продолжающие жить в XVIII веке, в середине XIX — живые анахронизмы, увы, слишком многочисленные на позор просвещенному веку, и о которых мы упомянули здесь лишь для памяти, ибо относительно галстука это существа отрицательные.

Следом за ними идут те, кто догадывается о том, что хорошего есть в галстуке и как с ним можно поступить, однако не в состоянии извлечь из этого самостоятельно никакой выгоды: они обречены копировать других. Недалекие, бесплодные умы, без воображения, без единой собственной мысли, они всякий день изучают узел, который станут воспроизводить завтра. Я бы сравнил их с теми повесами, что ищут каждое утро в газетах идеи, с которыми они будут носиться весь день, или нищими, живущими за счет чужой милостыни.

В первом ряду, наконец, стоят те сильные и солидные сами по себе люди, которые чувствуют и понимают галстук, понимают, что в нем есть главного и сущего с той энергией ума, с той силой гения, которой наделены эти привилегированные из смертных.

У них не может быть ни учителей, ни образцов для подражания, они находят в самих себе огромные благородные силы; они прислушиваются только к самим себе; они суть подлинные творцы.

Ибо галстук жив лишь оригинальностью и непосредственностью; подражание, преклонение перед правилами обесцвечивают его, засушивают, убивают. Добиться чего-то стоящего невозможно ни учением, ни трудом, только интуитивно, инстинктивно, вдохновенно завязывается галстук. Удачный узел на галстуке — одна из тех искр гения, которые не остаются незамеченными, внушают восхищение, но не поддаются объяснению, и обучиться этому нельзя.

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

Переводится впервые.

Ринго Старр: «И зачем Эпштейну понадобился этот галстук!»

Габриэль (Коко) Шанель, создательница международного стиля в моде: «Модно то, что ношу я».

СОВЕТЫ МАДАМ ШАНЕЛЬ

Джуна БАРНС,
американская писательница

Фигура важнее, чем лицо, и важнее фигуры средства, которыми ее сохраняют. Но важнее всего жизнерадостность, соответствующая темпераменту, а ее сохранишь, только имея хорошее здоровье.

Габриэль Шанель [1], законодательница мод Парижа, происходящая из скромной сельской местности в Оверни, Габриэль Шанель, в ногах у которой лежали все женщины, мечтающие хорошо одеваться,— эта Габриэль Шанель любит одиночество, свежий воздух, жизнь за городом, спортивную одежду, собак, рыбалку, любит рано вставать и рано идти спать, безделье и суровую работу, в особенности суровую работу.

[1] *Габриэль (Коко) Шанель (1883—1971) — французский модельер. В конце двадцатых годов создала свой стиль в одежде и поведении, основной чертой которого является элегантная простота и естественность.— Прим. пер.*

Всемирную славу принесли ей две вещи — косметика и строгие костюмы; другими словами, высота, на которую она вознесла утонченный запах, и глубина, из которой она извлекла скромную строгость элегантных, невероятно элегантных моделей.

Ее философия лежит в основе ее успеха и ее славы. Она верит в простоту, и когда она использует слово «безыскусный», то она использует его не в том смысле, как часто многие люди — для обозначения ужасных, неотделанных, неумелых вещей. Для нее безыскусно то, что совершенно и соответствует самому себе.

— Я предпочитаю в женщине милые манеры, приятный разговор, милое поведение и умение приятно танцевать, а не чисто классическую красоту. Классическая красота может выглядеть очень глупо, если находится не в музее.

Посмотрите,— продолжает она,— как входит в комнату женщина, притягивающая все взгляды. Как она идет, как она садится, какие жесты она делает в разговоре. По классическим меркам, она может считаться вполне уродливой, но, несмотря на это, в ее фигуре, ее поведении, в ее жестах есть что-то, что составляет стиль и что очень важно именно потому, что все это не какие-то внешние украшения, а принадлежит самому ее существу.

Почему из пятидесяти или ста женщин она самая привлекательная независимо от того, велика она ростом или мала, брюнетка или блондинка, спортивна или женственна! Потому что она знает, как ей надо идти, почему ей надо сесть и к чему относятся ее жесты. Она — это она. Ее походка не связана ни с какой модой (помню, раньше была в моде небрежная походка дебютанток, которую я считала очень некрасивой, потому что она была тем, что я называю «стандартная походка»,— все женщины ходили одинаково). Надо сохранить собственную неповторимость даже перед требованиями моды. Женщина не должна быть набором частей тела, что случается, когда она рабски или без чувства вкуса следует моде.

Что такое, собственно говоря, плохая фигура! Это фигура, испуганная с головы до ног. Этот испуг в поведении происходит оттого, что женщина не дала своему телу то, что ему полагается. Девочка, которая стесняется оттого, что не сделала домашние задания, производит то же впечатление, что женщина, не осознающая, что такое природа.

Нельзя одновременно иметь две судьбы — судьбу необузданного дурака и умеренного мудреца. Нельзя выдерживать ночную жизнь и быть в состоянии создать что-то днем. Нельзя позволять себе еду и алкоголь, которые разрушают тело, и все же надеяться иметь тело, которое функционирует с минимальным саморазрушением. Свеча, которая горит с двух концов, может, конечно, распространять ярчайший свет, но темнота, которая последует потом, будет долгой.

Что же касается вопроса, какой диете следовать, чтобы сохранить совершенную фигуру, то я могу только повторить то, что я уже сказала: быть умеренной, быть простой, быть честной. Честный аппетит всегда прост, а простой аппетит скромен. Есть меньше, чем хочется, есть интеллигентным разумом, а не желудком. Никогда не вставать из-за стола и втайне извинять себя за то, что такая обжора: это оскорбление для компании, собравшейся за обедом.

Спать хорошо, семь-восемь часов, если столько хочется; спать при открытых окнах. Вставать рано, работать сурово, очень сурово. Это не повредит никому, потому что это создает бодрость духа, а дух, в свою очередь, заботится об участи тела. Это звучит смешно, но если вы подумаете об этом, то поймете — это совсем не смешно. Не сидеть допоздна. В конце концов, что такого уж ценного в так называемой светской жизни, чтобы вы пренебрегли подушкой для того, чтобы бодрствовать до раннего утра! Дурной воздух, дурная еда, дурные напитки, уродливая обстановка, которая не радует сердца, глупые люди, которые ночь за ночью повторяют свои бесчисленные истории — истории тех жизней, которые проживаются только для того, чтобы быть рассказанными и по этой причине не стоящие рассказа.

Пощадите себя ради самих себя. Щадите свои уши, щадите свои глаза, щадите свои мысли. Что вы слышали такого после полуночи, что вы считали бы ценнее собственного сна! Это всего лишь то, что вы так или иначе слышали, и к тому же раз сто, и то, что вы снова услышите утром,— так прекратите же это безобразие.

Лично меня после двенадцати часов вообще ничего не интересует! — говорит мадам Шанель.

МОДА

ЗДРАВСТВУЙ, ШЛЯПА!

Лили ФРЕЙ,
западногерманская журналистка

О, что сделала эмансипация с женской шляпой! Она изгнала шляпу из магазинов, вытеснила ее из моды: остались лишь старомодные шляпы-горшки, которые носят женщины во второй половине своей жизни. Усталые тона, потрепанные поля. Выцветшие перья. Уныние, отороченное мехом. Головные уборы безо всякого шарма, лишенные даже намека на кокетство...

Традиция шляп осталась неизменной только для царствующих домов Европы. Леди Диана, жена наследника английского престола принца Чарлза, никогда не появится на церемонии открытия детского сада без шляпки, покачивающейся на голове. Но, бог мой, что за шляпки она носит! Они олицетворяют сказочное счастье, но они не имеют ничего общего с реальностью — анахронизм, пережиток прошлого, допотопное сооружение бабушкиных времен...

«Дело в шляпе!», «Да он же шляпа!» — вот он, быстрый, резкий и грубоватый язык нашего времени. Мы часто говорим так, желая поярче обрисовать ситуацию, но на собственную голову шляпу не водрузим, ни-ни...

Но грядут перемены! Посмотрите на улицы — шляпа возвращается. Осторожно, медленно, но возвращается. То тут, то там она уже покачивается на чьей-то юной головке, привлекая взгляды, бросая вызов, вызывая любопытство. Что это, действительно, значит — шляпа? Что мы хотим сказать тем, что носим ее (или не носим?).

Во времена средневековья и Ренессанса шляпы были символом богатства, власти и свободы. По головному убору судили о высоком или низком происхождении человека. Берет с жемчужной вышивкой был привилегией дворянства, а бесформенная шапка служила крестьянину.

Мужская шляпа представляла из себя символ. Вплоть до XVIII века существовал обычай, согласно которому невеста дарила жениху шляпу, которая символизировала супружескую власть и мужское превосходство. Если же она отбирала шляпу у мужа, то это означало, что власть отныне принадлежит ей.

Шляпа бывала и отличительным знаком людей с теми или иными политическими воззрениями. Цилиндр, например. Примерно сто лет назад этот головной убор, изобретенный квакерами, пропутешествовал из Англии в Америку. Во время гражданской войны в США 1861—1865 годов цилиндр носили люди с либеральными взглядами. Но, вернувшись в Европу, цилиндр стал непременным головным убором людей из высших классов, признаком респектабельности и богатства. Сегодня же он рабочая одежда трубочистов...

Во время Великой французской революции головные уборы тоже играли роль политического опознавательного знака — вспомним колпак якобинцев. Его носили самые яростные борцы за свободу, равенство, братство. Позднее, в середине XIX века, заговорщики-карбонарии, боровшиеся за освобождение Италии от австрийского владычества, прятали лицо под широкими полями — их шляпу так и называли «шляпой демократов». Но потом канцлер Германской империи князь Отто фон Бисмарк (1815—1898) сфотографировался в подобной шляпе, и она сразу потеряла репутацию «подозрительной». Такая шляпа осталась любимым головным убором гангстеров и шерифов в американском кино.

А классическая фетровая шляпа не раз служила символом эгоизма и эгоцентризма. Актер Хэмфри Богарт делал каменное лицо под мрачно опущенными гангстерскими полями: мужчина, уверенный в себе и упоенный собой. Мятая шляпа западногерманского режиссера Райнера Мария Фассбиндера в 1982 году была объявлена призом на втором конкурсе европейских кинематографических институтов — шляпа как символ творческой мощи, как корона для головы, вырабатывающей массу идей...

Что символизирует сегодня шляпа? Какие чувства обладателя выражает? Страсть к приключениям? Желание нравиться? Буйные шестидесятые годы освободили нас от шляп — утвердилось негласное мнение, что свободный человек вообще ничего не носит на голове. Но тот, кто все-таки носит, говорит тем самым, что он какой-то особенный, не такой, как все. Предвестник нового стиля жизни? Или только новой моды?

Голова становится предметом культа. Первыми на этот путь стали панки с их ядовито-яркими стоячими прическами. Теперь на передний план выходят создатели шляп — в их произведениях несравнимо больше вкуса, чем в диких шевелюрах панков, хотя на свой лад они не менее провокационны. Окрыленные ветром времени, творцы шляп создают невероятные модели пока что скорее для собственного удовольствия, чем из коммерческих соображений. Поэтому, наверное, их создания еще нельзя увидеть в магазинах. Они работают как экспериментаторы, они ищут новые формы в художественном хаосе своих ателье, где брошены на стол рядышком кисточка для акварели, циркуль геометра и сантиметр портного. Модельеры идут впереди публики. Публика еще поглядывает на шляпы с иронией, а модельеры уже ощутили, что мода без шляпы выглядит незавершенной. И вот они, взяв древнюю как мир идею шляпы, пытаются дать ей новую жизнь, пытаются перевести шляпу из разряда анахронизмов в разряд остромодных вещей конца XX века. Карл Лагерфельд из ФРГ творит тортоподобные шляпы, окрашенные в цвет розовой карамели. Итальянец Франко Мошино выдумывает шляпы в виде корон и солнечных лучей. А англичанин Джон Галленос создает гибриды — набивные птички гнездятся у него в лохматых спутанных париках...

Шляпа будущего — какой она будет? Будет ли она говорить о характере и пристрастиях своего хозяина? Или просто станет карнавалом на голове? Кто знает, кто скажет? Но ясно одно: шляпа возвращается, грядет Шляпа!

МОДА МОДА

Французский модельер Терри Мюглер продемонстрировал на днях в Париже, куда идет мода, когда она не идет вперед: мода идет назад! Он показал серию моделей в стиле ретро и вполне определенно наметил пути назад, в шестидесятые!

Мода становится все изменчивей, а ее создателям все труднее. Откуда же взять идеи, если не из прошлого? Волны в сегодняшнем ретро сменяются все быстрее. Только что были в моде пятидесятые, а уже шестидесятые стучатся в дверь.

Шестидесятые — это высадка американцев на Луну, джинсы, «Битлз», карибский кризис, украшения из пластмассы и убийство Джона Ф. Кеннеди, это первая пересадка сердца, оп- и поп-арт и хиппи, дети-цветы.

Шестидесятые — это время молодых, время мятежа и порыва к новым ценностям. Менеджеры шоу-бизнеса открыли тогда для себя молодежь, а американский еженедельник «Тайм» назвал в 1967 году «человеком года» типичного молодого человека, которому меньше двадцати пяти.

Мини-юбка, изобретенная Мэри Квант, сначала повергла мир в шок, а потом уравняла женщин всех возрастов и положений и, обнажив колени, смела все комплексы. Джекки Кеннеди пританцовывала в короткой юбке на политической арене. Миниюбка плескалась вокруг ног, как флажок женской свободы и равноправия.

В шестидесятые годы переворот в одежде произвел парижский модельер Андре Куреж. Он создал «космический стиль» — платьица и пальтишки геометрических форм. Все — выше колен. Он освятил мини традициями высокой французской моды. Он освободил моду от правил и привил ей немножко безумия, так что она стала похожа на танцы во сне; он боролся за права женских брюк, проклинал дамские туфельки на высоком каблуке и стоял за сапоги на плоской подошве. Куреж, который приспособил моду для высотных полетов, стремился дать ноге солидную опору на земле.

Чулочная промышленность делала все, чтобы мини-мода продержалась подольше. Колготки впервые появились на прилавках в 1960 году. В 1966-м чулки почти исчезли, колготки составили 77 процентов всей продукции.

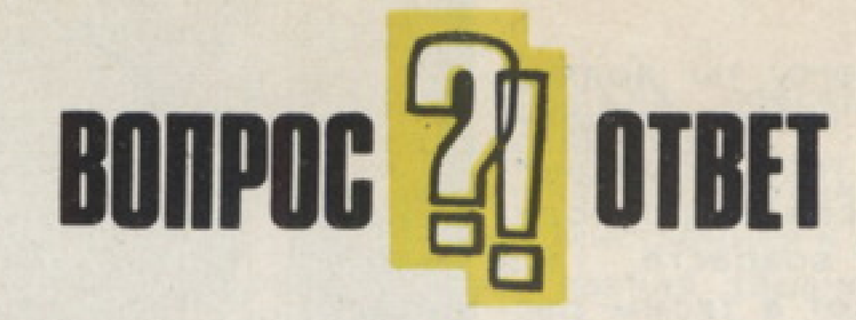
Молодость в шестидесятые была модой, и мода была молодой. Женщины за тридцать казались старыми развалинами. Подростки стали самой мощной потребительской группой. В 1967 году согласно статистике почти 60 процентов молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет покупали модные вещи. Магазины молодежной моды росли как грибы, универмаги заводили отделы для подростков.

Твигги, английская фотомодель, была образцом для всех девчонок. Спереди ничего и сзади ничего. Фотогеничная и тощая, как подпорка для фасоли, она ввергла дочерей в восторг, а мамаш в панику. Разразилась эпидемия голода: все сели на диету.

Мода все больше и больше теряла свой элитарный характер. Коли респектабельные Дома моды не желали умирать вместе со всеми своими дорогими красотами, то они должны были спуститься с Олимпа на землю. Из фешенебельных салонов возникали магазины для всех.

Сегодня, в середине восьмидесятых, мода уже больше не мода. Она что-то другое. Сегодня это уже немыслимо быстрая смена стилей. Волна за волной. Налетает — и уже прошло. Вот как это быстро. Никто не знает точно, что в моде. Где север, где юг, как разобраться и угнаться? Полагайтесь на собственный вкус, усвоив идею, подгоняйте ее под собственную фигуру и характер — только тогда, возможно, вы не отстанете от времени.

Перевел с немецкого
А. ПОЛИКОВСКИЙ

Если представится возможность, расскажите о группе «Т. Рекс», я знаю их пластинки «Тэнкс» и «Электрикл уорриор». Какова тематика песен?

В. Кныш, Черниговская обл., пос. Любеч

Английская группа «Тираннозаурус Рекс» (сокращенно — «Т. Рекс», а в переводе с латыни — хищный ящер тираннозавр) появилась в 1967 году. Первоначально это был дуэт, в который входили Марк Болан — гитара, вокал, и Микки Финн — ударные. Музыку, которую писал Болан, критики окрестили «колючий рок» — на внешне веселые, незатейливые мелодии был положен яростный текст, бичующий язвы капиталистического общества. Так что более подходящее определение трудно было придумать.

Но, несмотря на внешнюю простоту, музыкальная структура композиций этого дуэта была весьма сложной: многие музыканты «покупались» на песни «Т. Рекс», но при более близком знакомстве оказывалось, что их невозможно повторить, настолько своеобразной была манера игры Болана.

В начале 70-х годов к группе присоединились Стив Тук — бас, фортепиано, Билли Легенд — ударные, и Иэн Макдональд — саксофон.

Интересующие вас пластинки «Электрический воин» (1971 год) и «Тэнкс» (1973 год) сделаны в традиционной для Болана манере: сложные гитарные партии, динамичный вокал, обилие музыкальных «виньеток». Пересказать содержание каждой песни, пожалуй, невозможно: в достаточно сложной, ассоциативной форме Болан поднимал очень непростые вопросы человеческого бытия, имеющие и моральное и социальное значение.

В 1977 году, после смерти Марка Болана, группа распалась.

Что собой представляет группа «Слейд»?

А. Назаров, г. Авдеевка

Группа появилась еще в середине шестидесятых. Вначале они назвали себя «Промежуток» и, подобно юным «Битлз», поехали искать славу в ФРГ, а спустя год вернулись в Англию еще более нищими, чем до отъезда. В 1969 году группа, вняв советам доброжелателей, сменила репертуар и название — и приглянулась фирме «Полидор». На «Слейд» навели глянец (то есть нарядили в кожаные штаны, взлохматили волосы) и выпустили в жизнь.

«Слейд» исполняли динамичный ритм-энд-блюз в лучших традициях «Битлз», кстати, сходство с «Битлз», не подражание, а именно сходство, прослеживается и по сей день. Группа состоит из Нодди Холдера — вокал, гитара, Дэйва Хилла — гитара, вокал, Джимми Ли — бас, вокал и Дона Пауэлла — ударные.

Стоит обратить внимание на трансформацию текстов песен. Если поначалу это были бесхитростные стишки о любви или бодрые здравицы рок-н-роллу, то со второй половины 70-х появились новые темы: взрослея, музыканты стали внимательнее всматриваться в окружающий их мир с его проблемами и противоречиями. В 1980 году «Слейд» выпускает один из лучших своих альбомов — «Возвращение на базу», в песнях которого звучит неприкрытый гнев в адрес «держащих палец на кнопке смерти». В композиции с этого альбома «Маленькие винтики большой машины» Нодди Холдер, поэт группы, обращается к слушателям: «Кто ты — бессловесная тварь или человек? Если ты человек, так скажи об этом громко» — музыкантов приводит в ярость бессловесная покорность обывателей бесчестным политиканам. Альбом 1981 года «Пока глухота нас не разлучит» посвящен жизни рок-звезд: «Слейд» безжалостно срывают позолоченную мишуру, под которой обуржуазившиеся рок-музыканты пытаются скрыться от людей и серьезных проблем.

Последний альбом вышел в 1985 году — он называется «Полицейское досье».

Л. СОРОКИН, С. АЛЕКСЕЕВ

I. — Диего, ты должен вбить себе в голову: это — твой чемпионат. Ты в самом подходящем возрасте, вся команда будет в твоем распоряжении, а чтобы не возникало сомнений, кто командует на поле, я отдам тебе и капитанскую повязку, но ты должен отдать мне тридцать дней своей жизни. Только тридцать дней, но в течение их ты должен будешь тренироваться до смерти и не думать ни о чем, кроме чемпионата, обещай мне.

Диего Армандо Марадона веселился, слушая проповедь Карлоса Сальвадора Биларадо, непреклонного тренера аргентинской сборной, добравшегося до самого Неаполя, чтобы заключить что-то вроде кровного союза с игроком экстра-класса, способным вытащить его из неприятностей. Беседа их проходила в шуме одной из пиццерий Неаполя, где Марадона был объектом всеобщего внимания.

Принесли пиццу, Билардо передвинул кильку-анчоус, плававшую в середине пиццы, к краю тарелки и сказал: «Представь, что пицца — футбольное поле, а килька — ты. Смотри, четыре года назад в Испании мой предшественник Луис Сесар Менотти заставлял тебя играть здесь, куда я тебя сейчас передвинул: далеко впереди и совершенно в одиночку. Ошибка. Ты должен играть позади нападающих...» И килька передвинулась на несколько сантиметров назад. После получасового разжевывания тактики пиццу есть было совершенно невозможно, но Марадона в совершенстве понял, чего хотел от него Билардо...

Джанни ПЕРРЕЛЛИ, итальянский журналист

1. ФУТБОЛИСТ №1

Клив ТЭММОН, американский журналист

2. ВРАГ АМЕРИКИ №12

Тридцать дней. Ни разу еще Марадона не жертвовал удовольствиями жизни на столь долгий срок. В течение целого месяца он должен будет ложиться спать в десять вечера, а не в два ночи; вставать в семь утра, а не в полдень; пить минералку, сидеть на диете. Но как можно остаться равнодушным к движению чувств? Билардо был настоящим другом и ставил на него свою судьбу.

У Билардо неприятности в федерации футбола Аргентины. Целый ряд руководителей обвинили его в пренебрежении традициями аргентинского футбола, в переходе к закрытой игре с поголовным блокированием противника, что является отрицанием фантазии и зрелищности.

Марадона мысленно пролистал страницы своей карьеры. Уличный мальчишка, выросший с мячом у ноги в рабочих пригородах Буэнос-Айреса, «вундеркинд» сначала в приходской команде «Лас Себольитас», а затем в «Архентинос Хуниорс». В свои 17 лет отобран тренером Менотти на чемпионат мира, который должен был проходить там же, в Аргентине, но в последний момент исключен из команды как несовершеннолетний. Это — первое большое разочарование в жизни. Его не могли утешить даже мудрые слова убежденных поклонников: «Не обижайся, Диего, у тебя впереди еще целая вечность».

Пророческое предсказание. Действительно, через несколько месяцев его купил за миллион долларов клуб «Бока Хуниорс». Марадона стал полномочным представителем аргентинского футбола. Через год он отквитался за чемпионат для взрослых, выиграв в Токио чемпионат юниоров. Его слава стала всемирной. И в 1982 году, готовясь к чемпионату в Испании, Менотти уже не мог игнорировать ее. Однако он поставил Марадону на место нападающего, роль, которая плохо соответствует его данным, лучше всего проявляющимся в рывке издалека.

С чисто технической точки зрения Марадона тем не менее всегда оставался потенциальным наследником Пеле, и «Барселона» без колебаний выложила три миллиона долларов, чтобы заполучить его. Следующие два года протекали бурно: во главе «Барселоны» встал не кто иной, как Менотти. Но ежедневные встречи не способствовали возникновению симпатии. Столица Каталонии повернулась к Диего спиной. Разрыв и мучительный переход в «Наполи». Казалось, уже никто не поможет ему в борьбе за столь желанный титул чемпиона. Критики продолжали тыкать ему в глаза пример Платини, который за четыре года пребывания в «Ювентусе» выиграл все, что можно.

Правда, несмотря на результаты, никто не отважился поставить под сомнение его гениальность. Но когда 25 уже за плечами, может быть, прав Билардо: пора осуществить великое завоевание, пора войти в легенду.

Время образумиться, пойти на лишения, даже если ничего не обнадеживает: никто не поставил бы и ломаного песо на рать, набранную с бору по сосенке Билардо. Ему пришлось обколесить пол-Европы (аргентинские футболисты играют по контрактам во многих футбольных клубах Западной Европы.— *Ред.*), чтобы понять, сколь плоха его команда, и ловить перерывы в европейских чемпионатах, чтобы объединить игроков, которые даже не были друг с другом знакомы. В том же апреле, после поражения в товарищеской встрече с командой Норвегии, в Осло, аргентинские газеты организовали на своих страницах поминки по сборной, сохранив минимум уважения к Марадоне (талант не обсуждается).

Аргентинская команда вылетела в Мехико при равнодушном, если не враждебном отношении всего населения страны. Были опубликованы итоги опроса, согласно которым 80 процентам аргентинцев совершенно не нравится сборная Билардо. И Марадона твердо решил — чемпионат в Мехико должен быть выигран. Пора заткнуть рот

недоброжелателям его друга Билардо!

С командой у него проблем нет: все — за него, потому что он объективен, признает свои ошибки. И потом Диего не задается, стал скромнягой, альтруистом, ангелом...

Команду Аргентины нельзя было назвать неудержимой. Ничья с Италией: «Нужно было отквитать гол с пенальти. Мы показали себя настоящей командой». Чистая победа в матче с Болгарией: «Все начали понимать, что мы взялись за дело всерьез». Один — ноль, выстраданный, но заслуженный счет, с командой Уругвая: «Мы умно играли и умно выиграли». Два — один с Англией. Именно эти два гола Марадоны по разным сенсационным причинам распахивают двери славы. Первый он забивает в стиле Сильвио Пиолы, рукой. «Это была рука господа»,— комментирует он шутливо, и оказывается, что происшествие отнюдь не было случайным: «На тренировках я всегда прыгаю, прижав руки к голове: вдруг судья будет рассеян и не заметит, все может быть». Второй — гол, достойный фильмотеки, один из самых красивых в истории футбола, при четырех противниках, обойденных как в слаломе. Теперь критика превозносит его как нового Пеле, а Билардо выдвигает его на звание чемпиона по нравственным качествам: «Он не попросил ни дня отдыха, работал как проклятый, он — пример для всех молодых аргентинцев».

Полуфинал. Матч с Бельгией: еще два «верхних до» Марадоны. Несмотря на не совсем удачный матч с командой ФРГ, сбылось предсказание футбольных экспертов: потускнела звезда Мишеля Платини, и Мехико-86 стал чемпионатом Диего Марадоны. Специалисты теперь схватываются друг с другом лишь для того, чтобы выяснить, кто лучше: Марадона или Пеле.

А в Аргентине — время угрызений совести: журналисты в погоне за образностью называют Марадону «марсианином», «бионическим человеком», «земным богом». Городские власти Буэнос-Айреса провозглашают его «почетным гражданином города за заслуги в области культуры», поднимая его до ранга такого писателя, как Эрнесто Сабато, и знаменитого исполнителя танго Уго Дель Каррила. Понадобилась тонкая ирония юмориста Лукаса, чтобы направить этот психоз в рамки здравого смысла.

Накануне финального матча Марадона сообщил своим друзьям и родственникам: «Я заткну им рот! Мы будем чемпионами мира». И как характерен для этого белого Пеле пас на выход самому верному из своих апостолов, Хорхе Бурручаге, забившему победный гол в финальном матче с командой ФРГ! И когда среди ликования толпы Марадона поднял к небу кубок, аргентинские болельщики развернули полотнище: «Прости, Билардо, спасибо».

Перевел с итальянского
И. СМАГИН

2.

До сих пор не могу понять, что нам, американцам, понадобилось на Гренаде. Заявления о том, что этот островок попал под кубинское влияние, по-моему, просто смехотворны: мне кажется, у Кубы достаточно своих проблем, чтобы как-то себя занять. Создается впечатление, что делать нечего как раз Америке. Господи, ну когда же во главе Америки наконец встанет нормальный человек!

Мой приятель, Роджер Леренен, он пишет для «Чикаго трибюн», как-то сказал: «Ковыряясь в последствиях политики нашего старикана, мне все чаще хочется обратиться за советом к коммунистам. Обрати внимание, если поначалу они взывали к здравому смыслу «ковбоя», то сейчас, похоже, махнули на него рукой: кому охота связываться? Похоже, русские уже и не принимают его всерьез». Это было сказано в начале октября 1983 года. А 19 октября погиб премьер-министр Гренады Морис Бишоп.

Я вполне разделяю точку зрения Леренена: Америке хватает своих проблем, поэтому нечего совать нос в чужие дела.

Но, собственно говоря, я хочу рассказать не столько об американском вторжении на Гренаду, сколько о предотвращении одного убийства. Это будет рассказ о том, как футбольная звезда спас от смерти рок-звезду, как моральные принципы, казалось бы, далекого от политики человека превратились в гражданскую позицию. Настоящая дружба проверяется в беде — и это тоже тема моего рассказа.

Эдуард Мария Фернандес Антонио Людвиг Грант родился на острове Гренада в 1957 году. Его отец, Арнольд Грант, канадец по происхождению, долгое время преподавал в парижской Сорбонне английский язык и литературу. В начале 50-х он перебрался на Гренаду и стал обычным школьным учителем в Сент-Джорджесе. Арнольд Грант давно лелеял мечту осесть на небольшом, но цивилизованном острове в Карибском море. Гренада его устраивала полностью.

Дальше начинается настоящая романтическая история: Арнольд Грант влюбился в балерину. Мария Фернандес, мулатка ослепительной красоты, покорила сердце молодого джентльмена. А поскольку смешанные браки здесь никого не удивляют еще со времен Колумба, семейному счастью новоиспеченной пары ничто не угрожало.

Их первенец, Эдуард, оказался существом беспокойным: едва научившись ходить, он полез исследовать старую каменоломню, и папа Грант с соседями двое суток бродили по лабиринтам меловых штолен, пока не обнаружили мальчишку, спящего в обнимку с огромной бутылью, доверху заполненной молоком: оказалось, что один из коридоров выходит прямо на территорию молочного завода. Потом Эдуард увлекся нырянием с высокой скалы и однажды принес в школу полную пригоршню золотых монет. По Сент-Джорджесу пополз слух, что под скалой покоятся останки галеонов Колумба. Весь город несколько дней не вылезал из воды. А в конце недели многие видели, как Арнольд Грант с ремнем в руках гоняет по двору старшего сына: Эдди утащил из отцовской коллекции дюжину дублонов, а потом выдал их за морское сокровище. В общем, родителям скучать не приходилось.

Эдди запел довольно поздно, когда ему исполнилось четырнадцать лет. Оказалось, что у него абсолютный слух и довольно приличный голос, и друзья посоветовали Арнольду отправить сына учиться в Европу. Так в 1972 году Эдди Грант попал в английскую Королевскую академию, где, кроме пения, квалифицированно и крепко преподавали уроки расизма.

Эдди сразу же дали понять, что его смуглая кожа отрицательно влияет на оценку вокальных способностей: обладатели роскошных баритонов и басов при ближайшем рассмотрении оказались махровыми расистами. Грант просидел в академии два года и плюнул на такую учебу.

Домой он вернулся не сразу. Как-то на одной вечеринке, устроенной на деньги щедрого папы Гранта, к Эдди подошел высокий темнокожий юноша. Его английский был безукоризненным, а поставленный голос выдавал певца. Так Эдди познакомился с Филом Лайноттом, вокалистом ирландской рок-группы «Тин Лиззи». Лайнотт преподал ему несколько практических уроков рок-н-ролла, и Грант понял, что наконец-то нашел свое дело.

По возвращении на Гренаду Грант сколотил группу, которая, ко всеобщему удивлению, стала играть хард-рок и ритм-энд-блюз, а не традиционные для этих мест диско и реггей. (У Эдди Гранта есть однофамилец, известный исполнитель реггей, не путать с ним.— *Ред.*)

Шли годы. Грант набирал силу. Его имя все чаще мелькало в рекламе самых престижных музыкальных изданий. Он дал несколько концертов в Европе, где его встретили очень тепло: европейцы устали от диско и реггей своих соотечественников, а здесь предлагают карибский рок! Эдди выпустил несколько долгоиграющих пластинок, десяток «сорокапяток», его музыка проникла в США, а один номер Гранта даже был показан по Эм-ти-ви (телевизионный канал, ведущий трансляцию самых популярных рок-произведений.— *Прим. пер.*). К нему пришла слава, но она была какая-то странная: выступления собирали множество зрителей, концерты проходили с огромным успехом, но агенты ведущих фирм грамзаписи в ужасе шарахались от Эдди Гранта — ну кто согласится выпустить пластинку, на конверте которой написано: «Автор музыки Эдди Грант, автор слов Карл Маркс»? Эдди прочитал «Капитал» и решил, что

яснее и понятнее о проблемах общества — а он хотел петь именно об этом — сказать невозможно. Так в 1980 году родились песни «Давай поговорим, классовый враг» и «Капитал и смерть», темы которых Эдди взял из произведения основоположника коммунизма.

Концерты и записи на независимых фирмах дохода не приносили (хотя Эдди работал не ради денег), и Грант с удовольствием встретил предложение принять участие в гастролях «Тин Лиззи» по США. Но первый же концерт в Нью-Йорке едва не закончился трагически: группа расистов прорвалась за кулисы, и лишь вмешательство белых музыкантов и звукооператоров спасло Эдди от кастетов и ножей хулиганов.

Грант не испугался и на следующий день вновь поднялся на сцену. Но это был его последний концерт в Америке: госдепартамент США распорядился об аннулировании визы, и Гранту пришлось срочно покинуть нашу «великую страну равных возможностей».

В аэропорту он дал интервью корреспонденту английской «Мелоди мейкер» (к чести газеты, интервью было опубликовано полностью), в котором сказал: «Она жалкая и несчастная, эта Америка. Она задыхается в долларовом угаре. Конечно же, мои песни ничего не изменят — я просто хочу, чтобы люди знали: есть другая правда, настоящая». На вопрос, почему же он, фактически разделяя идеи коммунистов, не вступает в коммунистическую партию, Грант ответил: «Я слишком не образован и еще не все правильно понимаю».

Весной 1982 года УЕФА предложила Гранту принять участие в культурной программе испанского чемпионата мира по футболу. Эдди принял предложение и подготовил несколько песен на испанском, втором своем родном языке.

В Мадриде он познакомился с Марадоной, которому тогда шел двадцать первый год. Трудно сказать, что притягивало этих двух людей друг к другу — спокойный, рассудительный Грант, голубые глаза которого, неожиданные на смуглом лице, удивляют какой-то почти что стариковской мудростью, и темпераментный, взрывной Марадона, на первый взгляд бесшабашный, веселый мальчишка.

Но, как бы там ни было, они стали друзьями. Все свободное время, которого было не так уж и много, проводили вместе: во время матчей сборной Аргентины Гранта можно было видеть в первом ряду ложи гостей, а на концертах Марадона первым пускался в пляс под мощные аккорды своего друга.

После окончания чемпионата Эдди пригласил Марадону в гости на Гренаду. Они провели вместе целый месяц. Диего исследовал старую каменоломню, нырял со скалы детства и учил Гранта играть в футбол. «Знаешь,— сказал как-то Марадона,— я выберу время и сделаю из ваших ребят такую команду, которая заставит дрожать от страха любой европейский клуб!» Он связался с Аргентиной и вызвал невесту — отдыхать так отдыхать! Однажды Грант заманил их в студию и уговорил спеть. Забегая вперед, скажу, что фонограмма двух песен в исполнении Марадоны и его подруги имела оглушительный успех в Латинской Америке, хотя, как мне кажется, Диего больше не надо испытывать судьбу вблизи микрофона.

Спустя месяц Марадона организовал Гранту аргентинское турне. Эдди говорил: «Это были самые счастливые дни моей жизни. Я пел свои любимые песни, и люди аплодировали мне, а латиноамериканцы не из тех, кто будет хлопать из вежливости. После концертов ко мне подходили простые крестьяне и говорили: «Спасибо, парень, ты поешь правду». Диего провез меня по всей стране, и я увидел, что простые аргентинцы задыхаются под гнетом местных богачей и американских монополий точно так же, как и мои соотечественники до 1979 года, когда к власти пришел народ. Он великий футболист, я думаю, он уже вышел на уровень Пеле, но Марадона в первую очередь гражданин своей страны и только потом — футболист. Диего умный и тонкий человек».

Марадона помог Гранту создать настоящую студию грамзаписи; эта студия дала Эдди относительную независимость и позволила полностью отдаться творчеству. «Голубая волна» — так стала называться студия Гранта. Несмотря на протесты друга, на всех своих пластинках он писал: «Записано в студии «Голубая волна», которую основал и любезно финансирует Диего Армандо Марадона».

В конце 1982 года Грант записал свою очередную пластинку. Я не специалист в рок-музыке, но знаю, что авторитетнейшие музыкальные критики оценили ее высоко. Энтони де Куртис, музыкальный обозреватель журнала «Роллинг стоун», назвал музыку Гранта «карибским хард-роком со специями» и высказал уверенность, что подобный стиль найдет отклик у американских слушателей. Не знаю, как там насчет слушателей, но в Белом доме и в госдепартаменте на эту пластинку обратили внимание: еще бы, в своих песнях Грант открыто обвинил Америку в империализме и назвал нашу армию «оккупантами человечества»: «Сколько черных пятен на белой совести Америки!»

...Марадона прилетел в Сент-Джорджес в середине октября 1983 года: конфликт с тренером натянул нервы до предела, ему хотелось поговорить с Эдди, поплакаться на неприятности. Грант слушал стенания Марадоны всю ночь, а утром они отправились на берег. Диего уныло пинал камни, а Грант уговаривал его успокоиться и для начала разобраться в самом себе: чего он в конце концов хочет и что действительно может.

Грант уехал в студию, пообещав, что вернется к вечеру, а Марадона побрел в отель. Внизу его ждал Кавальдес, крупный аргентинский промышленник, имевший свои интересы в экономике Гренады. «Слушай, Диего,— горячо зашептал он в ухо Марадоне.— надо немедленно улетать, немедленно!» — «А в чем дело?»— спросил Марадона. «Ничего не могу сказать определенного, знаю лишь — если будешь медлить, то рискуешь жизнью».

Марадона разозлился и сказал, что если Кавальдес будет говорить загадками, то он, Марадона, предпочитает лечь спать: устал, утром поговорим!

Тогда Кавальдес наконец признался: американские друзья сообщили ему о том, что здесь, на Гренаде, что-то затевается — надо уносить ноги. Марадона понял: переворот. И хотя латиноамериканцы лучше, чем кто бы то ни было, знают, что это такое, и привыкли к переворотам, но все же это не самая приятная перспектива, особенно на ночь глядя!

И тут Марадона заявляет, что без Гранта он никуда не полетит. Подумай, уговаривал Кавальдес, мой самолет поднимает, дай бог, двоих, нам бы самим выбраться! Но Марадона неумолим: либо я лечу с тобой и Грантом, либо ты улетаешь с Грантом, а я остаюсь: неужели ты не понимаешь, что ему грозит?!

Кавальдес прикинул и решил, что гибель футбольной звезды неминуема: Марадона наверняка в каком-нибудь черном списке после своих постоянных заявлений в аргентинской печати о политике США в Латинской Америке. А этого Аргентина не простит даже ему, Кавальдесу. Черт бы побрал всех этих певцов и футболистов, черт бы побрал этого Гранта, придется лететь втроем!

Потом была сумасшедшая гонка на автомобиле сквозь ночь, в студию «Голубая волна». Потом Эдди долго уговаривали лететь, потом перегруженный самолет с трудом оторвался от Гренады и взял курс на остров Барбадос.

Спустя несколько дней Марадона и Грант прилетели в Аргентину. Разными правдами и неправдами Марадона сумел заполучить весьма интересный документ. Я знал, что перед вторжением в страну-жертву специалисты «третьего рейха» готовили списки лиц, подлежащих уничтожению в первую очередь. Я знал об этом. Но никак не мог подумать, что наше правительство так старательно копирует стиль и методы, которые практиковались в фашистской Германии. Я говорю об аналогичном списке, который не без помощи Марадоны попал на мой письменный стол. Это список личных врагов Америки на Гренаде. Его открывает Морис Бишоп, «премьер-министр, враг № 1» — его судьба вам известна. Под номером 12 значится Эдуард Мария Фернандес Антонио Людвиг Грант, певец...

Перевел с английского
К. ТЮРБАНЕВ

УМЕТЬ ВОВРЕМЯ ОТКАЗАТЬСЯ

Дорогая редакция!

Пишет вам поклонник английской группы «Генезис». Я давно слежу за творчеством этого ансамбля, и меня очень заинтересовал один вопрос: насколько мне известно, в 1975 году из группы ушел вокалист Питер Габриэль. И петь стал ударник, Фил Коллинз, который потом стал и руководителем группы. С начала 80-х годов Коллинз выпускает еще и сольные диски.

Я знаю, что музыку Коллинза исполняют и другие группы, и вообще он сейчас очень популярен. И вот наконец я подошел к своему вопросу: расскажите, пожалуйста, о Филе Коллинзе, о том, как ему удается совмещать работу в группе с выпуском сольных альбомов, причем и те и другие очень хорошие.

С уважением,

Н. Сорокин, Ленинград

Барабанные палочки мелькали все быстрее и быстрее, их контуры постепенно таяли, пока не превратились в колеблющееся цветовое пятно, едва различимое в пространстве, ограниченном ударной установкой. Басовый барабан устал оправдываться перед визгливыми тарелками и лишь лениво бормотал, но тут ворвались пулеметные очереди бонгов, они и погасили ссору. В наступившей тишине рука с палочкой придвинула микрофон и человек запел:

Ты кажешься себе таким значительным
в этих скрипящих кожаных штанах,
на обоих запястьях колючие браслеты —
великолепно! Но ты несешь такие глупости,
неужели ради этого ты и залез на сцену?
А где же музыка, приятель?!

Дробь ударных сливается с финальными аккордами гитары, одобрительным свистом и аплодисментами зала. Барабанщик приподнимается, неловко кланяется. Стоп-кадр.

Один журналист как-то спросил: «А что, мистер Коллинз, вы очень устаете колотить так несколько часов подряд?» Мистер Коллинз ответил: «Обратись к клепальщику или молотобойцу — это они «колотят». А я музыкант».

В семействе Коллинзов, живших близ Лондона (отец — владелец небольшого страхового агентства, мать — преподаватель актерского мастерства в Королевской академии искусств), было трое детей. Младший, Фил, родился в 1951 году, в 61-м впервые увидел ударную установку — и все было решено.

К четырнадцати годам Фил Коллинз уже довольно неплохо освоил премудрости нелегкого труда барабанщика. Несмотря на одержимость сына барабанами, Джун Коллинз все же лелеяла мысль, что, может быть, ей удастся вылепить из него актера. Фил был послушным мальчиком, поступил в академию и вскоре получил крохотную роль в фильме «Битлз» «Вечер после трудного дня». Не успел он и опомниться, как обнаружил, что втягивается совсем не в то, что ему по душе. В шестнадцать лет, несмотря на растущую актерскую популярность (он уже успел сыграть роль Доджера в мюзикле «Оливер»), Фил уходит из академии.

И началась жизнь рок-музыканта. Коллинз пробовал себя в самых разных группах, но ни одна не соответствовала его представлениям о музыке. Тем не менее его заметили — сам Джордж Харрисон обратил внимание на юнца, который без всякого сожаления рвал с перспективными группами. В 1970 году Харрисон пригласил Фила для записи альбома «Все в этой жизни проходит». Вспоминая эпизод с переговорами, Харрисон рассказывал: «Вы не поверите, но я ужасно нервничал: а вдруг откажется! Для меня это стало вопросом престижа — я Харрисон, а тут какой-то мальчишка гордо топает ножкой и заявляет: «Мне это неинтересно». Каково!»

Со всем, чего требовал маэстро, Коллинз успешно справился. Прослушав фонограмму еще не прошедшего микширование альбома, Харрисон предложил Филу двухгодичный контракт. И совсем не удивился, когда тот заявил: «Я высоко ценю вас как музыканта, мистер Харрисон, но моя музыка должна звучать иначе».

Тогда же, в 1970 году, Коллинз прочитал в колонке объявлений, что какая-то группа «Генезис», выступающая по университетам Англии, подыскивает себе барабанщика. Коллинз явился на прослушивание. И — остался. Так начался длительный период относительной неизвестности Коллинза, спрятавшегося за барабанами в группе, ставшей к середине семидесятых одной из самых популярных. Он получил то, что хотел: свою музыку и анонимность для публики вне сцены. Под тяжкое бремя славы с готовностью подставил плечи лидер «Генезиса», вокалист Питер Габриэль.

А в 1975-м Габриэль, соблазнившись сольной карьерой, покидает группу. Казалось, дни «Генезиса» сочтены. И Филу Коллинзу вновь посыпались предложения: «Аэросмит» — отказ, группа Манфреда Мэнна — отказ, опять Харрисон — опять отказ. Журналисты прозвали Коллинза «стойким оловянным барабанщиком. А «оловянный барабанщик» заявил через газету «Мелоди мейкер»: «Ударник Фил Коллинз изве-

щает всех заинтересованных людей, что в обозримом будущем не собирается покидать свою группу. Подробности ищите в альбомах «Генезиса».

Подробности оказались неожиданными: Коллинз, оставшись ударником, взял на себя и обязанности вокалиста: «Я несколько суток не спал, просчитывал варианты: быть крысой, бегущей с корабля — «Генезис» был на грани катастрофы,— я не хочу, найти равноценную замену Габриэлю невозможно. Что же, конец «Генезису»?! Ну так нет! В конце концов я решил петь сам. Вы не представляете себе того страха, который я испытывал и продолжаю испытывать перед микрофоном. Когда-то давно я учился пению, некоторые («некоторые» — это гитарист Джон Майал, названный «отцом белого блюза».— *Авт.*) даже находили у меня неплохой голос, но это не то... В первую очередь я все-таки инструменталист. Я утешаю себя мыслью, что голос, настоящий голос, был всего лишь у двоих и эти двое — Шаляпин и Карузо».

Музыкальные критики, которые поначалу сомневались в вокальных способностях Фила, спустя пару лет сменили скепсис на благожелательность, а один из самых яростных противников поющего Коллинза, Тим Холмс, обозреватель журнала «Роллинг стоун», в рецензии на альбом «Заметая следы» написал: «И пусть мы замечаем ошибки, особенно на нижних регистрах, и пусть элемент театральности уменьшился до микроскопических размеров, взамен мы получили бескомпромиссность и прямоту, сплав характера Коллинза и потенциальной мощи «Генезиса». Я думаю, мы присутствуем при втором рождении группы».

Спустя некоторое время Холмс подтвердил свое мнение: «Коллинз не только создал блестящую по исполнительскому мастерству группу, но и развил, а затем и воплотил в жизнь концепции совершенно новой музыки, в основе которой лежит синтез джаза, рока и классической сонатной формы. Тенденция к такому музыкальному конгломерату прослеживалась с первых дней образования «Генезиса», но только прослеживалась. Коллинз же добился кристаллизации этой идеи».

В канун рождества 1977 года объявил о своем намерении уйти гитарист Стив Хэккетт, и «Генезис» превратился в трио: Фил Коллинз, вокал, ударные, Тони Бэнкс, клавишные, и Майк Резерфорд, бас. В Англии тогда свирепствовал панк-рок, и «Генезис» начал борьбу — музыка против отчаянных подростков с гитарами. Борьба шла не на равных: «динозавры» вроде «Дип перпл» и «Лед зеппелин» попрятались, зализывая раны, в Америке веселилось «диско», сметая все остатки так тяжело давшегося интеллектуального запаса шестидесятых. А тут и жена Коллинза, со свойственным большинству женщин чувством момента, делает банальное заявление: или я, или музыка! В очередной раз Коллинз оказывается перед выбором и в очередной раз решает его в пользу музыки.

«Генезис» отправляется в длительное гастрольное турне по США и Европе. В конце 1978 года они выпускают альбом с символическим названием «Итак, нас осталось трое» — этот альбом стал первым «золотым» диском группы.

Развод тяжело дался Коллинзу: он нервничал, к тому же давала знать накопленная за годы бесконечных гастролей усталость. Он превратил свой дом в студию звукозаписи и излил переполнявшие его чувства в своем первом сольном альбоме «Номинальная стоимость», который был выпущен в 1981 году: «Я никогда не предполагал, что личные переживания могут так повлиять на музыку — до сих пор я считал, что музыка — плод долгого, кропотливого труда, а этот альбом... Я сделал его за два дня: музыка просто лилась из меня, и мне оставалось лишь переносить ее на бумагу».

Личные переживания Коллинза, конечно, повлияли и на музыку группы. Если во времена Габриэля композиции отличались некоторой цветистостью, то начиная с альбома «Эбокеб» «Генезису» стала свойственна сдержанность — иные видели в ней признак упадка. Но Коллинз учился минимальными средствами добиваться максимума — это был признак зрелости. Он окончательно взял бразды правления в свои руки, отказался от продюсеров и пресс-агентов: «Между музыкой и слушателем посредники не нужны». Он работал, работал, работал, он стал необыкновенно придирчивым к текстам, заставляя поэта группы Бэнкса по нескольку раз переписывать песни.

Постепенно поклонники «Генезиса» начали улавливать в словах песен недвусмысленные намеки политического характера: Коллинз говорил о расовой дискриминации, о проблемах, стоявших перед каждым честным интеллигентом Запада. Ему быстренько прилепили ярлык «розовый».

Но Коллинз продолжал делать то, что считал нужным. Он обратился к давно вынашиваемой идее — а что, если поработать с ритм-энд-блюзом? Взять за основу черный блюз и привлечь опытных черных музыкантов.

Коллинз приглашает для записи нового сингла духовую секцию ансамбля «Земля, ветер и огонь»: так появился перифраз композиции «Не подгоняй любовь», которую еще в шестидесятые годы создала знаменитая негритянская группа «Сюпримз». Черные музыканты научили Фила играть на национальном африканском барабане калимба, с тех пор Коллинз включил его в состав своей ударной установки, а духовая секция «Земля, ветер и огонь» приглашается для записи каждого сольного альбома Коллинза.

«Вы не представляете, как силен расизм в шоу-бизнесе! Я раньше думал: вот Маккартни работает с Майклом Джексоном и Стиви Уандером — это настоящий пример подлинного сотрудничества на равных! Совсем не так — я только сейчас понял, как это трудно. Ты заранее обрекаешь свои песни на провал в системе радиовещания: практически все американские, да и некоторые английские радиостанции отказываются передавать в эфир так называемые «смешанные» записи: Эй-би-си прислала Маккартни — только подумать, Маккартни! — отказ на трансляцию его «Черного дерева и слоновой кости» [1]. Ах, так? Тогда вы вообще не увидите моих записей! И на всех сольных альбомах проставил «Без права трансляции по радио». А у той же Эй-би-си со мной контракт на ближайшую «сорокапятку»! Я заплатил неустойку — плевать я хотел на деньги: у вас правила — а теперь познакомьтесь с моими принципами. Они сначала посмеивались, но вскоре такие надписи появились на альбомах «Генезиса», «Брэнд Экса», к нам присоединились Фрэнк Заппа и Майк Олдфилд, и эти типы на радио задумались. Теперь они приползли ко мне, но один я уже ничего не решаю — будет, как решат все мои коллеги. Ринго Старр, который взял на себя обязанности главы нашего движения против расизма в рок-музыке, считает, что эти негодяи уже достаточно наказаны и можно их помиловать, конечно же, при условии публичных извинений через печать. Но я бы продолжил бойкот еще на пару лет».

Правая пресса обвинила Коллинза в заигрывании с черными музыкантами: «Фил Коллинз преследует сугубо меркантильные цели, всем известно мастерство черных в области блюза, а Коллинз сейчас разрабатывает эту золотую жилу — кто же, как не черные, могут ему помочь?!» Фил долго отмалчивался, но ответ на это провокационное заявление всплыл совсем неожиданно, когда Коллинз давал интервью по совсем, казалось бы, другому вопросу. Его спросили: «Что вы можете сказать о Бобе Дилане?» Знал бы корреспондент еженедельника «Мелоди мейкер», какую лавину стронул его вопрос!

«Боб Дилан?.. А, это тот парень, который давным-давно написал «На крыльях ветра»? А что он сделал после этого? Метался из одной крайности в другую, делал политические заявления, потом ударился в религию, переходил из христианства в иудаизм и обратно, причем при большом скоплении фотокорреспондентов. А вы хоть раз видели его на фото рядом с цветным парнем? Он хоть раз приглашал в свою студию негра? Не знаете?! А я знаю! И вообще, я хочу сказать, что настоящий артист, художник, музыкант да любой человек искусства не должен подменять собой профессиональных политиков. Твоя песня — вот твоя декларация, и если она честная, настоящая — она подействует на сознание людей. Вот, к примеру, Стинг — он мой друг, мы дружим уже больше десяти лет. Вы помните его песню «Русские»? Я ничего не хочу сказать, я и раньше понимал, что русские — такие же, как и мы, тоже не хотят войны, но Стинг первым спел об этом, и спел так, что, я уверен, об этом призадумались и те, кого раньше этот вопрос вообще не волновал. А болтунов я терпеть не могу. Мир — это не просто красивое слово. Работать надо!»

---

[1] *См. «Ровесник» № 1 за этот год.— Здесь и далее прим. ред.*

Фил дорожит своими друзьями. Их у него немного, но те, которые есть, настоящие. Это Эрик Клэптон, Стинг и Роберт Плант [2]. Но друзья, зная нелюбовь Фила к участию в записи безразличной ему музыки, редко обращаются к нему за помощью. Но бывают экстремальные ситуации. Когда Клэптон представил совету директоров фирмы «Уорнер бразерз» свои композиции для альбома «За Солнцем», фирма отказалась продюсировать пластинку — бизнесменам показалось, что альбом не найдет покупателя. Сейчас трудно сказать, как бы обернулось дело, но, узнав о случившемся, на помощь ринулся Коллинз: он отобрал у Клэптона фонограммы и заперся на несколько дней в студии. Когда Клэптону было разрешено войти, на столе лежали переработанные партитуры и несколько вариантов аранжировок. Вышедший в 1985 году альбом Клэптона стал «золотым» в течение одной недели.

В чем же «феномен Фила Коллинза»? Да и есть ли этот феномен? Упрямец, презирающий чванство и лицемерие шоу-бизнеса, аскет, безгранично преданный Музыке и живущий в соответствии с прямыми как стрела принципами? Или добродушный толстяк, катающийся по вечерам на старом велосипеде, любитель поспать и от души поесть, особенно на ночь? Наверное, и то и другое. Его любимый киногерой — Чарли Чаплин, и уж Коллинз со своей внешностью вполне мог бы делать видеоклипы своих песен, «разыгрывая» их с юмором и любовью. Но вот еще один отказ Коллинза: он считает, что модная видеоподача песен нужна лишь там, где музыки маловато. А его музыка должна быть в чистом виде.

Как-то его спросили, нашел ли он наконец свою музыку и сделал ли все, что хотел? Фил усмехнулся: «Знаете, ведь если честно, то я обожаю хард-рок, вернее, не сам хард-рок, а то, что можно из него сделать. У меня есть мечта: написать такой хард-рок, чтобы все любители этого направления взвизгнули от неожиданности». (В июле 1986 года вышел новый альбом «Генезиса», который называется «Невидимое прикосновение». На нем есть композиция «Все, что предполагалось» — это настоящий подарок поклонникам хард-рока: настолько неожиданное и смелое решение нашел Коллинз.)

Не идет ли сольное творчество в ущерб «Генезису», спросили журналисты.

«До сих пор мне удавалось балансировать между сольными альбомами и записями «Генезиса». Кажется, становится трудновато. Как пойдет дело дальше, не знаю. Могу сказать лишь одно: "Генезис" я никогда не оставлю. В «Генезисе» весь я, моя юность и зрелость, моя любовь и ненависть — я иногда ненавижу эту группу смертельно, она пожирает меня, как рак. И еще. Если сейчас кто-нибудь из нас уйдет, это будет означать конец «Генезиса». Я не могу такого допустить».

Есть ли у Коллинза претензии к жизни?

«А у кого их нет? Мне многое не нравится, но я не бездействую и не размахиваю руками, что тоже есть бездействие — я открыто говорю о том, что мне не по душе».

А как мистер Коллинз относится к слушателям?

«У «Генезиса» специфическая аудитория. Я не хочу показаться снобом, но в какой-то степени наша музыка для избранных — точнее, для подготовленных слушателей. Не понимая классики, нечего покупать пластинки «Генезиса», но если вы настоящий любитель музыки, то найдете у нас что-то свое, глубоко личное — мы пишем музыку для людей, значит, для всех. Но слушатели должны быть готовыми к ней. Я расскажу вам один смешной эпизод: в 1980 году мы записали альбом-гротеск «Герцог» — пародию на диско-музыку, сделанную средствами, ну, скажем, симфо-рока. Американские дискоманы завалили нас горой хвалебных писем с выражениями благодарности за принятие столь любезного их сердцам жанра: они не поняли, что это пародия! Вот таких «любителей» я бы силком заставлял ликвидировать музыкальную безграмотность. А вообще, я доволен нашей публикой — я говорю об англичанах,— она достаточно грамотна и хорошо чувствует нюансы».

В 1985 году Коллинз выпустил третий по счету сольный альбом «Фрачная пара не потребовалась». Альбом сразу же стал «золотым», через неделю — «платиновым». Спустя месяц его популярность могла сравниться лишь с популярностью альбома «Дайр стрейтс» «Братья по оружию» [3]. Сейчас уже прошло достаточно времени со дня выпуска альбома, но он и по сей день держится в верхней части хит-парадов. В чем причина такого «затяжного успеха»? Прежде всего в текстах.

Довольно странное название пластинки объясняется просто. Когда по итогам 1981 года Коллинзу была присуждена премия «Грэмми», вручаемая за лучший альбом года, он получил приглашение явиться на церемонию награждения. Фил в срочном порядке приобрел подобающую событию фрачную пару и отправился за призом.

Злоключения начались с самого порога: вначале оказалось, что он потерял ключ от автомобиля, потом такси въехало куда-то не туда... Потом у входа в зал Коллинза остановили сотрудники службы безопасности и велели проваливать прочь. Он пытался объяснить им, что церемония затеяна ради него, но его выпроводили на улицу.

«В этот момент подъехала машина, и из нее вылез Роберт Плант. Когда он узнал, в чем дело, то принялся хохотать. А я стоял и ждал, когда он наконец успокоится. Он вытер слезы, взял меня под руку, и мы благополучно миновали охранников — еще бы, портрет красавчика Роберта торчит в каждой витрине! Он отвел меня в зал, а сам потащился в жюри. И в этот момент я слышу, как объявляют мою фамилию! Не успел я встать с места, как в проходе появляется какой-то парень с фотоаппаратами и начинает полыхать своим блицем во все стороны. Я пытаюсь его обойти — вокруг парни в коже и с железяками на шее, девицы в сногсшибательном гриме, а он только шипит через плечо: «Куда лезешь, деревенщина, сейчас сам Коллинз выйдет!» Я ему стал объяснять, что я и есть Коллинз, а он знай себе смеется. Слава богу, опять Роберт меня выручил: появился откуда-то сзади, отпихнул фотографа — тот вначале зарычал, а потом, когда увидел, кто ему дал пинка, расшаркался, заулыбался. Ну, мы вышли на сцену. Дали мне какую-то статуэтку, ребята с металлоломом столпились внизу, аплодируют, девицы визжат — никогда не думал, что мою музыку слушают женщины, а я стою и думаю: господи, какой же я старомодный!»

За свой второй сольный альбом «Я не должен стоять на месте», который вышел в 1982 году, Фил тоже получил «Грэмми». На сей раз помощь Планта не понадобилась: его уже узнавали.

Вот об этом и некоторых других смешных событиях он и рассказывает в альбоме 1985 года «Фрачная пара не потребовалась».

По материалам зарубежной прессы подготовил С. КАСТАЛЬСКИЙ

---

[2] *Эрик Клэптон — известный английский рок-гитарист. Фирма грамзаписи «Мелодия» в 1983 году выпустила его лицензионный диск. О Стинге «Ровесник» писал неоднократно — см. № 4 за 1982 год, № 7 за 1986 год, в № 4 за 1986 год была опубликована его песня. Роберт Плант — бывший вокалист группы «Лед зеппелин».*

[3] *О «Дайр стрейтс» «Ровесник» писал в № 10 за 1986 год.*

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ

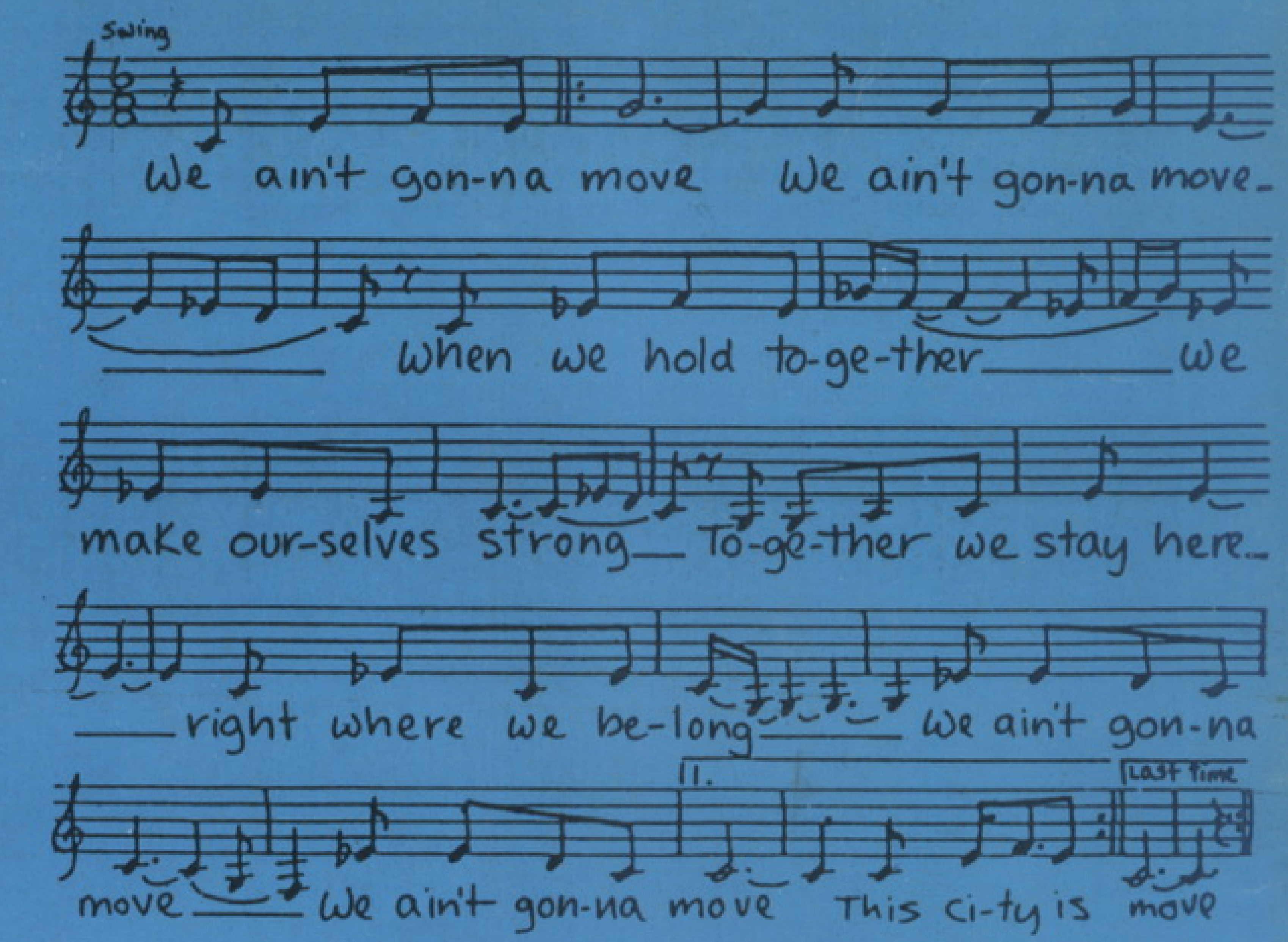
Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Т. П. Дрыгина

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 13.01.87. Подп. к печ. 09.02.87. А00959. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 550 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 308.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Публикуя песни о борьбе разных народов за лучшую жизнь, редакция решила не придерживаться хронологической последовательности, а попытаться создать песенный образ века, как никакой другой, сложного, противоречивого, богатого историческими событиями. Песня, которую мы представляем в этом номере, говорит о дне сегодняшнем — о трагедии, которую переживают на Западе многие семьи, оказавшиеся без крыши над головой. Мы часто встречаем газетные сообщения о том, что домовладельцы взвинчивают плату за жилье, идут на преступления, чтобы выселить из домов тех, кого по закону выселить вроде бы нельзя. Но что значит в мире капитала закон, когда речь идет о барышах: новые жильцы будут вынуждены платить дороже. Эту песню, написанную на мотив традиционного сельского блюза, создала американская певица Люси Мерфи. Называется она «Мы не тронемся с места» — протест женщины, матери семейства, которую выгоняют из дома.

«В этом городе родились мои дети, но хозяин дома сказал, что нам с детьми надо выметаться. Пожалуйста, кто-нибудь скажите, куда мне с детьми податься! У хозяина есть, конечно, свои проблемы. Он жалуется: дорого содержать дом в порядке, нужен ремонт — это все знают. Но я-то знаю, что все свои деньги он вкладывает в кампанию за избрание на пост мэра. А я не могу платить еще больше за жилье. Мы не двинемся, мы не уйдем, мы останемся здесь и будем держаться друг за друга, чтобы быть сильнее».

Припев:

We ain't gonna move, we ain't
gonna move
When we hold together, we make
ourselves strong
Together we stay here, right where
we belong
We ain't gonna move, we ain't
gonna move.

This city is where my children
were born
But the landlord says children
can't stay in my home
Somebody please tell me where
children belong
We ain't gonna move, we ain't
gonna move.

Припев.

The landlord has troubles, the
landlord has woes
Maintenance costs money,
everybody knows
He contributes so much money to
the mayors' race
He can't fix my place and
I ain't gonna pay no rent
increase.

Припев.

Индекс 70781
Цена 35 коп.